

Софи Вёрисгофер

Из Лондона в Австралию

Софи Вёрисгофер
Из Лондона в Австралию

«Public Domain»

1880

Вёрисгофер С.

Из Лондона в Австралию / С. Вёрисгофер — «Public Domain»,
1880

«Это было больше, чем сто лет назад. В одной маленькой грязной матросской харчевне, в Лондоне, за отдельным столиком сидели два человека и вполголоса разговаривали между собою. Они были вполне поглощены предметом своей беседы и не обращали никакого внимания на остальную публику. С первого же взгляда можно было догадаться, что это были отец и сын...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	18
Глава III	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Софи Вёрисгофер

Из Лондона в Австралию

Глава I

Отец и сын. – Коварный родственник. – Арест невинного. – В тюрьме среди убийц и воров. – Напрасные ожидания.

Это было больше, чем сто лет назад. В одной маленькой грязной матросской харчевне, в Лондоне, за отдельным столиком сидели два человека и вполголоса разговаривали между собою. Они были вполне поглощены предметом своей беседы и не обращали никакого внимания на остальную публику. С первого же взгляда можно было догадаться, что это были отец и сын. Старшему было лет 45, младшему еще не было полных семнадцати. Оба были высокого роста, хорошо сложены, с темными волосами и темными же глазами, которые смело и открыто смотрели на мир Божий, хотя и не с одинаковым выражением. Отцу, очевидно, пришлось уже не мало потерпеть и пострадать; под тяжелой рукой судьбы; сын же с отвагой юности верил, что шутя может побороть всякие препятствия это тоже было, очевидно. – Старик тихонько барабанил пальцами по столу, взгляд его неопределенно блуждал в пространстве и глубокий вздох временами подымал его грудь.

– Антон, – сказал он, почти шепотом, – знаешь, какой сегодня день?

Сын с недоумением пожал плечами. – Двадцатое октября, – сказал он. – А в чем дело, отец?

– Не о том я тебя спрашиваю! С этим днем для нас связаны печальные воспоминания. Ты уже забыл об этом, мой мальчик?

Юноша опустил глаза. – Два года назад, умерла мать! Да, да, помню, это было 20 октября.

Старик потрепал сына по руке. – Ты не думал об этом, Антон, но я охотно тебе это прощаю. Твои лета и мои – большая разница! Господи! Если бы мы никогда не были молоды и беспечны, – откуда взяли бы мы силу переносить все жизненные невзгоды? То, что сидит у меня самого в голове, может быть, и безрассудно, и глупо, но эти все больше, все крепче охватывает мою душу и лишает меня всякого мужества. Антон, я хочу рассказать тебе все. Сегодня я получил письмо от двоюродного брата.

– Отец! – и мальчик, как от электрического удара вскочил со стула. – Что же он пишет? Он зовет нас к себе? Мы пойдем сегодня к нему?

– Тихе, тихе, – садись и сиди спокойно, Антон. Письмо совсем коротенькое и, на мой взгляд, написано странно. Сегодня я должен пойти к нему.

– Один, – вскричал Антон. – Без меня?

– Без тебя... Вот, послушай, что он пишет. – И старик прочел юноше вполголоса несколько строк: – «Приходи сегодня вечером, во дворец, в 9 часов, через заднюю дверь. Там ты встретишь меня, и все будет хорошо. Если же, по непредвиденной случайности, ты встретишься в сенях с лордом, или лэди Кроуфорд, то спрячься в первой же ближайшей комнате. Господа не любят, чтобы слуги их принимали гостей. Твой двоюродный брат Томас».

Старик поднял глаза: – Как тебе это нравится, Антон?

– Что же тут такого, отец? Ведь это люди богатые и знатные, они могут распоряжаться в своем доме, как хотят.

Старик покачал головой. – А у меня такое дурное предчувствие, – сказал он. – Письмо пришло как раз сегодня, в такой день, который однажды уже принес нам тяжелое горе. Это не к добру, потому что...

Он остановился, как будто сказал уже слишком много. Сын с любопытством посмотрел на него. – Потому что? – повторил он.

– Ну, я вообще не доверяю Томасу. Нет, я не верю ему. Ты уже не маленький и можешь понять меня.

– Но почему же, отец? Письма его были всегда так дружелюбны и откровенны. Ведь с этим ты не можешь не согласиться?

– Именно потому, именно потому, мой мальчик. Пока у меня в Голштинии была усадьба, пока мне вообще везло, Томас писал только, если ему нужны были деньги; теперь же, когда на меня посыпались удар за ударом, когда я совсем разорился, он вдруг является с предложением вместе ехать искать счастья в Америке. Он собирается наживать капиталы, обещает всем делиться со мною по-братски. Что все это значит, – не понимаю.

Сын рассмеялся. – Как ты подозрителен, отец! Наше незаслуженное несчастье тронуло его, внушило ему сострадание.

– Может быть, только мне что-то не верится. Когда ты поживешь с мое, мой добрый мальчик, тогда и ты перестанешь видеть все в розовом свете; и ты будешь прежде требовать доказательств, а потом уже верить людям; не будешь носить свою душу на ладони и показывать ее первому встречному, кто захочет в ней хозяйничать. Однако, мне пора уж идти, – заметил он. – До дворца лорда Кроуфорда добрый час ходьбы, так времени терять нельзя. Прощай, Антон. Ложись пораньше спать, мой мальчик, и ни в каком случае не жди меня. Я вернусь разве часам к двенадцати: ведь Томас захочет, конечно, узнать подробно обо всем, о чем в письмах сообщалось кратко; а потом наверное пожелает хорошенько обсудить сообща свои новые планы. На это таки требуется время.

– Позволь мне проводить тебя, отец, – попросил Антон, но старик замотал головой. – Нет, нет, ни в каком случае; я не могу выносить мысли, что ты, в такую темень, будешь один на улице. Такая давка, такая сумятица. Хозяин говорит, что здесь и обкрадут, и убьют из-за нескольких пфенингов. Обещай же мне, Антон, что ты не выйдешь из дома.

Мальчик приподнял занавес и посмотрел в окно. – Ну, хоть несколько шагов тут, поблизости, отец? Тут кукольный театр и ученый медведь, – мне хоть одним глазком взглянуть!

– Завтра, дитя мое, завтра, мы пойдем вместе. И слушай еще, мой мальчик, сейчас же иди в нашу комнату. Спрячься, Антон, а то тут ты можешь попасть в руки вербовщиков, тебя могут завербовать насильно.

Мальчик весело рассмеялся.

– Ну, отец, – вскричал он, – ты оставляешь меня в первый раз одного на несколько часов, и тебе уж представляется, что земля сорвется с петель и погребет меня под своими развалинами. Ведь я уж и в самом деле больше не ребенок.

Старик вздохнул. – Я предчувствую что-то недоброе, Антон.

– Это уж твое обыкновение, отец. Когда это было, чтоб ты ожидал чего-нибудь доброго впереди?

– Потому что я действительно это крайне редко бывает, дитя. Ну, так ты будешь сидеть в нашей комнате, – не правда-ли? Сделай это ради меня.

Антон протянул ему руку. – Иди спокойно, отец. Я тебе обещаю не выходить из дома.

– Ну, так до свидания, дитя, прощай! Через несколько часов мы увидимся. Странно, что я должен сам себе повторять это, чтобы верить, а камень все-таки остается на сердце.

Антон проводил его до двери дома. Сквозь туман осеннего вечера невдалеке мерцал свет нескольких громадных смоляных факелов, окруженных облаками дыма. Тут показывались разные чудеса, и жадная до зрелищ публика любовалась, как ученый медведь, на цепи, выделял свои неуклюжие штуки. Люди стояла вокруг плотной стеной и бросали Мишке хлеб, плоды, медные монеты и лакомства; слышался хохот, хлопанье в ладоши; всеобщее веселье соединяло всех этих людей вместе. Антон с завистью смотрел в эту сторону, и ему очень хотелось при-

нять участие в этом удовольствии. Но отец, как бы против воли, оттолкнул его от двери вглубь комнаты. – Ты обещал мне, мой мальчик. – «Да, да, и конечно я сдержу обещание».

– Я верю, дитя, ты всегда это делал. Прощай, мой мальчик, через четыре часа мы опять будем вместе.

И он ушел, не подозревая, что ему придется вновь увидеть своего любимца только после долгой, мучительной разлуки, на другом конце света.

В то время, как Антон послушно взбирался на чердак, в свое помещение, Кроммер, его удрученный заботами отец, потупившись, задумчиво пробирался сквозь шумную толщу лондонских улиц. По обеим сторонам улицы трещали задуваемые ветром фонари на высоких столбах, которые в то же время служили и для реклам какому-нибудь торговцу, лекарю-шарлатану, или калеке. Один разносчик громко хвалил универсальные капли, другой универсальное мыло; этот сиплым голосом в безобразных стихах воспевал историю недавно совершенного шестерного убийства; а тот завывающим тоном сколько раз повторял свою просьбу об одном пенни, что судорожный кашель заставил, наконец, его отдохнуть поневоле. Все эти звуки сливались в один сплошной хаос, в котором только привычное ухо могло различать отдельные слова. Дядя Кроммер шел среди всего окружавшего его шума с тем чувством, тайного страха, которое овладевает деревенским жителем, если он внезапно попадает в самое сердце большого города, с его непонятной, суетливой деловой жизнью. Он знал, что по этой улице ему надо идти прямо еще около получаса, потому медленно пробирался в тесноте, между тем как все мысли его, с глубокой тоской, стремились на далекую родину, в Голштинию.

На Келлерском озере, в Голштинии, стоит старый, крытый соломою дом, под крышей которого он родился, с которым связаны все его воспоминания и из которого он изгнан, благодаря превратностям судьбы. Он мысленно видел этот дом, соломенное гнездо под крышей, стену из плитняка вдоль улицы и зеленую, поросшую елями, гору на заднем плане. Теперь другой, более счастливый, называет это место своей собственностью, а ему уже нет больше возврата туда; никогда не увидит он своего единственного сына хозяином и собственником там, где семья Кроммеров, более столетия, с честью и в довольстве жила на собственном, из рода в род переходившем, клочке земли. Бедный Антон! ему пришлось покинуть родину, и теперь, в далекой Америке, ему придется собственными руками с трудом возделывать землю, на которой, быть может, когда-нибудь у него и будет свой дом, где после тяжкого труда он будет отдыхать и рассказывать своим детям о немецкой отчизне, о любимой, незабвенной Голштинии.

Глубокий вздох вырвался из груди старика. – И это должно было случиться! И все из-за презренных денег!

Затем он опять мысленно перешел к двоюродному брату.

Томас Шварц всегда был легкомысленный мальч, нежеланный член достойной семьи Кроммеров. Дома он навлек на себя обвинения во всевозможных неблагоприятных проделках и, на этом основании, его услали набираться в свете ума-разума. Долгое время он скитался то там, то сям, побывал в нескольких тюрьмах, выпрашивая у родственников денежного содействия; наконец, пропал на некоторое время без вести, а потом опять объявился в Лондоне, в качестве слуги при доме Кроуфорда. Это случилось как раз в то время, когда Петер Кроммер лишился своей усадьбы, и вот его ветренный братец начал писать ему, что он скопил денег и хочет на них купить в Америке ферму. Он просил своего старшего родственника помочь ему своей опытностью, приглашая его приехать в Лондон и обещая принять на себя все дорожные издержки, при переезде в Америку. Когда все это еще раз припоминалось Кроммеру, он на минуту остановился, чтобы обсудить хорошенько то, что наводило его на сомнения. Откуда у Томаса могли быть деньги? Честным трудом он, во всяком случае, не мог нажить много. И старик храбро подавил вздох. Что во всей, этой истории было что-то темное, – в этом он не сомневался. И потом, зачем такая таинственность, это настойчивое требование не показы-

ваться во дворец Кроуфорда, пока не получится от него письма; зачем нужно было так точно обозначать час для свидания? Кроммер шел и покачивал головой.

Неужели в самом деле есть люди, которые запрещают своим слугам принимать родственников? Сам он, конечно никогда ничего подобного не делал. Напротив, когда старые матери из бедных семей приходили к ним навестить своих детей, то в теплой, опрятной кухне Кроммера им предлагали обед, оказывали им ласковый прием и отпускали с добрым напутствием; да разве возможно иначе? Однако-ж не время было решать разные «но» и «если». В вечернем тумане уже виднелся перед ним ярко освещенный дворец Кроуфорда. – Ему нужно было пройти мимо главного входа и, с переулка, отыскать вход для прислуги. С первого раза, может быть, это сделать было и не легко, но Кроммер с чисто германской обстоятельностью уже за несколько дней ходил вокруг, изучая все подробности дома. Теперь ему оставалось только открыть боковую калитку, перейти обширный двор, и он был у цели. И здесь, внутри большего огороженного пространства, тоже горело несколько фонарей, которые хорошо освещали мощный двор. В конюшнях еще работали слуги, но больше не было видно никого.

С спокойствием чистой совести Кроммер вошел во дворец, где Томас ждал его к девяти часам. Теперь было уже несколькими минутами больше, и он верно уже стоит на лестнице и сторожит; ведь он, конечно, с нетерпением ждет известий из Германии и, после такой долгой разлуки, горит желанием поговорить с родственником. Шумный, грязный, окутанный туманом Лондон, конечно, не может заменить ему его залитой солнцем родины. – И действительно, Томас уже стоял на крыльце. Фу, ты, чорт! Что он увидел! Синего цвета одежда блестела на нем серебром, на голове большой напудренный парик, на ногах башмаки с застежками по талеру величиной, на руках сияли белизной манжеты, напояженные усы, закрученные в ниточку, торчали по обе стороны лица.

На взгляд Петера Кроммера его двоюродный брат-имел вид герцога; он едва решился поздороваться с ним.

– Господи Иисусе! – сказал он, снимая шапку, – да неужели это ты, Томас?

– Иди в мою комнату. Скорее, скорее.

Это была несколько странная встреча, плохо подходившая к неторопливой, обстоятельной манере немца, однакоже Кроммер последовал приглашению, и оба родственника чуть не бегом поспешили в маленькую комнатку, куда вели три ступеньки.

И только тут Томас, наконец, протянул своему родственнику руку.;

– Добрый вечер, брат, добрый вечер! От души приветствую тебя в Лондоне.

– Спасибо, – сказал Кроммер. – Ты стал тут настоящим дворецким, и такую-то прекрасную службу ты собираешься покинуть?

Томас состроил гримасу. – Чужой хлеб всегда горек, – недовольно сказал он. – Несмотря на эту пеструю ливрею и большой парик, я раб, которого можно швырять куда угодно, как какую-нибудь вещь. Билль сюда! Билль туда! А если не бежишь на первый звонок в припрыжку, как заяц, так тотчас и выговор.

Кроммер сделал большие глаза. «Билль? – повторил он, – Билль?»

Томас засмеялся. – А ты думаешь можно этим англичанам так и сказать свое настоящее имя? Будьте мудры, как змеи, – вот золотая слова, и я сделал их своим девизом. А впрочем, вот тут стакан вина, – продолжал он, – а вот хлеб и мясо. У меня как раз сегодня ни минуты свободной, чтоб поболтать. – «Ни минуты свободной? Но ведь ты сам писал мне, чтоб»...

– А потом мне пришлось изменить свои планы. В самом деле, нам остается всего каких-нибудь десять минут.

Кроммер вздохнул. – Ах, Боже мой! – сказал он, – а нам надо бы обо многом поговорить; тебе хотелось бы, конечно, узнать, как живут твои домашние, а мне поразспросить о твоих намерениях...

Томас сделал знак рукой. – Обо всем поговорим, как-нибудь в трактире, добрый Петер. Я на днях зайду к тебе. И может быть, через какие-нибудь пять-шесть дней мы будем уже в открытом море, и Европа останется у нас за спиной.

Кроммер испугался. – Так скоро? – спросил он. – Разве у тебя есть столько денег?

Слуга искал в это время что-то на соседнем столике. – Мне посчастливилось, и я получил даже изрядную сумму. Вот поэтому-то поведу я и просил тебя придти сегодня ко мне, Петер.

– Так, так; но что же ты хотел сказать мне?

– И много, и в то же время мало; это, смотря по тому, как ты отнесешься. Видишь ли, я сплю в одной комнате с двумя другими слугами, и потому, мне кажется, не совсем безопасно держать деньги при себе. Людей никогда не знаешь вполне; иной раз веришь ему от души, а глядишь, он же тебя и подвел. Небойсь, ты и на себе испытал кое-что, мой добрый Петер?

Немец вздохнул и сделал утвердительный знак головой.

– Разве я не дал поручительства дома, в Голштинии, за моего лучшего, старого друга, а это поручительство и разорило меня. Разве не считал я своей обязанностью верить ему вполне, – и был обманут.

Томас поднял руку. – Вот видишь? Никогда нельзя уберечься и быть достаточно предусмотрительным. Потому-то я и хотел сделать тебе одно предложение, Петер.

– Какое же?

– Ты возьмешь все деньги к себе и будешь хранить их до нашего отъезда для нас обоих, или, лучше сказать, для нас и для твоего сына. Согласен?

Кроммер кивнул головой. – Если ты доверяешь мне, Томас. Я буду беречь твое добро пуще глаза.

– О, конечно, конечно, об этом не стоит и говорить. Ведь мы с тобой близкие родственники и не можем обмануть друг друга. Я сейчас достану шкатулку.

Кроммер остановил его. – Одну минуту, – попросил он. – Видишь, Томас, ты на меня не сердись, помни, что я стар и гожусь тебе в отцы, только, – право язык не поворачивается, – добрый мой Томас, честным ли путем ты добыл эти деньги?

– Брат Кроммер!

– Ну, ну, – успокоивал его старик. – Ведь я не хотел оскорбить тебя. Но у таких молодых парней, как ты...

Слуга принужденно засмеялся. – Мне однажды пришлось спасти жизнь одному знатному господину, – пробормотал он. – За это я и получил подарок, которого хватит на нас обоих. Теперь ты знаешь все.

– Ах! а товарищам ты об этом не говорил?

– Ни слова. Одному тебе известна теперь моя тайна.

Старик кивнул головой. – Так и надо. Никогда не следует о своих делах звонить во все колокола.

– Однакоже люди уж пронюхали кое-что об этом. По крайней мере мои товарищи знают, что у меня денег больше, чем то, что я могу сберечь из жалованья. Вот потому-то я и думаю, что их оставлять здесь небезопасно. Согласен ты взять их к себе, брат?

– Конечно. Я тебе вполне за них отвечаю.

Томас вынул из выдвижного ящика шкатулку. Лицо его было бледно, глаза смотрели растерянно, он оглядывался по сторонам, как будто уже за ним стоял предатель.

– А теперь, мне уже давно пора, – сказал он ему на ухо. Мне надо спешить вниз, к своим обязанностям. Уходи, брат, уходи, завтра я зайду к тебе.

– Наверно? – спросил Кроммер.

– Наверно. Прощай, прощай. И еще раз повторяю, если лорд или лэди встретят тебя в сенях, скройся в ближайшую комнату и сиди там, пока я начну тихонько кашлять на улице. Да спрячь шкатулку под платье.

– Ах, провал тебя возьми! – сказал тихонько немец, принимая шкатулку, – это тяжело.

– Наличные денежки, – шепнул Томас. – Чистое золото.

– Этак, пожалуй, и убили бы, если бы кто узнал.

– Конечно! Так застегнись же хорошенько. Ну, иди.

Томас взял своего брата за плечи, легонько вытолкнул его из комнаты и сам, вместе с ним, стал спускаться с лестницы. – Тут ни души, – сказал он, переводя дух. – Если тебе удастся благополучно пройти через двор, то наше дело в шляпе.

– Неужели господа твои так суровы, что не позволяют даже повидаться с родными?

– Они надменны, высокомерны, гордятся своим богатством. Иди, Петер, иди!

Перед ними была ярко освещенная лестница, потом корридор и потом опять лестница. Томас все время шел по пятам старика, но перед входом в бель-этаж он вдруг поспешно простился с ним. – Все идет хорошо, брат. До свидания.

– Господь с тобою, Томас.

Слуга исчез, а дядя Кроммер спокойным шагом продолжал спускаться вниз по лестнице, усталой толстыми коврами, заглушавшими шаги. Итак, Томас нашел покровителя, знатного друга, который ему помогает, – кто бы мог это думать! И ему пришла на память немецкая поговорка «чем туже веревка, тем слаще счастье». Без сомнения, Томас хотел придти на помощь ему и его сыну, хотел поделиться своими деньгами с родственниками. Как это прекрасно с его стороны? Быть может, он изменился к лучшему, стал степеннее. Вот, никогда не следует думать о людях дурно, пока не имеешь неопровержимых доказательств. С каждым шагом дядя Кроммер так пристукивал своей палкой по персидскому ковру, словно шагал по вновь вспаханному полю. Его незлобивая душа вся поглощена была задачей очистить от всех пятен своего некогда легкомысленного брата.

Вдруг на лестнице раздалась шаги и, прежде, чем он успел опомниться, Кроммер увидел двух господ, которые шли прямо ему навстречу, оживленно разговаривая.

– «Это лорд», – со страхом подумал Кроммер, – «безсердечный, самовластный, лорд! Что мне делать, чтобы не навлечь беды на Томаса?» Вдруг он вспомнил совет Томаса и быстро проскользнул в ближайшую комнату; там он спрятался за высокой ширмой, загораживавшей камин, «Тут меня никто не увидит», – подумал он, вздохнув свободнее. Но радость эта была непродолжительна. Едва успел он почувствовать приятную теплоту освещенной матовым светом комнаты, как дверь опять отворилась, и в комнату вошли оба только что встреченные им господина. Кроммер страшно испугался, и в голове у него, как молния, пронеслась мысль, что, в случае, если его откроют, его примут за вора. Он крепко сжал зубы, чтобы не выдать себя даже вздохом. Оба господина разговаривали по-английски; потом раздался звонок, и через несколько секунд явился слуга, которому, очевидно, дали несколько приказаний. Он принес освежительные напитки, придвинул стулья к столу, поднял занавеси на окнах и вдруг зашел за ширму, чтобы растопить камин. Его возглас и движение от испуга заставили обоих господ обратить внимание. Последовало несколько вопросов и ответов, и затем все трое зашли за ширму и вывели дядю Кроммера из его убежища. Ему что-то говорили, но он, конечно, ничего не понимал, и только, когда вопросы повторили несколько раз, к несчастному вернулась способность речи.

– Я не вор, отпустите меня!.

Один из господ быстро обернулся к другому и произнес несколько слов, на которые тот, улыбаясь, отвечал наклоном головы и затем смерил старика взглядом с ног до головы.

– Вы немец? – спросил он Кроммера на его родном языке.

– Да, сударь, да, и к тому же честный человек. Я только на полчаса зашел к одному из здешних слуг... вот и все.

– Но как же вы попали в эту комнату?

– Мой двоюродный брат сказал мне, что благородному лорду не угодно, чтобы родственники его служителей приходили в дом. Потому я хотел скрыться на минуту.

Господин, говоривший по-немецки, перевел его ответ другому. Снова раздали слова, которых дядя Кроммер опять не понял, но смысл которых с ужасающей отчетливостью вонзился в его сознание.

– Уловки, – сказал один. Мошенник; – подтвердил другой.

– Право, я честный человек, – твердил немец. – Вы можете поверить мне на слово.

– А что у вас там, под платьем? – спросил господин.

– Это вещи моего родственника.

– Покажите.

– Я не имею права, – вскричал Кроммер. – Позовите Томаса Шварца, потому что шкапулка принадлежит ему.

Но слов его никто не слушал. Его, без дальних разговоров, задержали и отняли у него шкапулку.

– Смотрите, смотрите, он говорит, что это собственность слуги!

И господин, со смехом, указал на корону, вырезанную на стальной пластинке. Он протянул шкапулку своему товарищу.

Тут начались восклицания, точно мухи залетали в солнечный день. Раздавались звонки, слуги начали бегать взад и вперед. Наконец, кто-то доложил, что идет лэди, и в дверях показалась высокого роста дама, которая с удивлением оглядела всех присутствующих, а когда заметила шкапулку, то обнаружила особенный интерес. – Что это значит?

Ей объяснили, и милэди, с видимым беспокойством, открыла сокровищницу, на которой все сосредоточили внимание, не исключая и немца. В шкапулке оказались драгоценности, золото и жемчуг. Все это переливалось разными цветами, как капли росы при солнечном сиянии, и блестело так, что Петер Кроммер, совсем уничтоженный, прижался к стене.

Шкапулка с украшениями лэди, её бриллианты! Очевидно, Томас Шварц украл их.

Холодный пот выступил по всему телу несчастного немца.

– Пусть бы кто-нибудь позвал сюда моего родственника! – сказал он умоляющим, тоном.

Но никто не слушал его. Украшения были пересмотрены и пересчитаны, а между тем один из слуг сбегал и привел полицейского. Кроммеру показалось, что земля у него под ногами заколебалась. Теперь его арестуют, как вора.

– Господин! – обратился он к тому, который говорил по-немецки, – господин! Не позволите ли вы мне, по крайней мере, дать мои объяснения? Достаточно одного слова моего родственника, чтобы разъяснить все дело.

Тот, к кому были обращены эти слова, пожал плечами. – Оно и так слишком ясно, – сказал он, – потому что у вас нашли украденные вещи.

– Но я не знал, что они краденые. Томас Шварц дал мне шкапулку на сохранение.

– О ком это вы говорите?

– Ах, да, да! Здесь его зовут Виллем.

– Значит, он носит фальшивое имя? Это еще того лучше!

– Пусть позовут сюда Билля, – приказал лорд.

Прошло несколько минут в ожидании. Обыскали весь дом и весь двор, но о Билле ни слуху, ни духу. Он исчез бесследно.

– Лучшие свои вещи и деньги он захватил с собой, – сообщил один из слуг.

– А что касается этого человека, – прибавил другой, – то я видел, как он уже несколько дней бродил вокруг дома.

– Значит, он высматривал, и он с Биллем действовали за-одно.

– И этот глупый гусь один будет расхлебывать кашу; другой птицы и след простыл.

– Ведите! – распорядился полицейский, вынимая из кармана пеньковую веревку. – Остальное разберет суд. – При этом он схватил Кроммера за руки и хотел скрутить их, но немец быстро отскочил, сжимая кулаки, глаза его метали искры.

– Вы хотите связать меня! – вскричал он. – Хо-хо! Это не так-то легко! – И он начал отбиваться, во все стороны размахивая руками и отступая к двери. По это продолжалось недолго: через полминуты, после жестокого сопротивления, он лежал уже связанный, на полу. Один из слуг уперся коленом ему в грудь, другой крепко держал его за ноги, и таким образом им удалось опутать ему руки по всем суставам довольно длинной веревкой. Кроммер кричал от бешенства и отчаяния: «Клянусь истинным Богом, я не виновен!»

– Ведите, ведите! – приказал полицейский.

– Так пусть же падет на вас Божие проклятие! Чтоб вам...

Они продолжали тащить его вперед, заглушая его слова, так что слышно было только невнятное бормотание и прерывистые всхлипывания под ударами их кулаков. Его толкали и волокли, как какую-нибудь скотину на бойню, пока, наконец, за ним не закрылись ворота тюрьмы.

Лязг железных засовов, звон ключей, все достигало его слуха, словно издалика. Его впихнули в темное помещение с решетчатой дверью и затем предоставили самому себе, – больше никто им не интересовался.

У Кроммера дрожали руки и ноги. – Есть ли тут кто-нибудь? – спросил он шепотом, с чувством тайного ужаса.

– Новый, – сказал сиплый голос.

– Зеленый! Этот попался еще в первый раз. – По-немецки, что-то, он говорит, ребята?

И на Кроммера полились целые потоки вопросов на английском языке, которых он, конечно, не понимал. В темноте никого не было видно, но он знал и чувствовал себя предметом общего внимания, и это пугало его еще больше.

Заперт с ворами и убийцами, с самыми последними преступниками. – Боже правый! – если бы это знали его близкие в Голштинии! И вот уже второй из друзей довел его до такого положения, – Томас Шварц, блудный сын, негодяй. Кроммер застонал. Что станется теперь с его сыном в этом чужом, городе? И ему представились самые яркие картины горя и беспомощности.

– Кажись, «Новый» – то воеет, – снова сказал один голос.

– Может быть, у него тоска по родине, по каким-нибудь египетским горшкам из-под шей.

И со всех сторон раздался громкий хохот.

– Парень смотрит совсем дураком, – вскричал кто-то. – Такая добродетельная фигура... что твой филистер, который, припрятав оброчные квитанции, обедает по воскресеньям в приюте для бедных.

– Горбатый писарь! – вскричал кто-то, – не умеешь-ли ты ломать язык на немецком разговоре? Кажется, я как-то слышал.

– Конечно. Только даром не стану.

Это было сказано на родном языке Кроммера, и он насторожился, как боевой конь при трубном звуке.

– О, – промолвил он, – немец!

– Немец-то я не немец, а говорить по-твоему умею. Каков ты, собственно говоря, из себя приятель? Покажись-ка.

И горбун потащил немца к окну, куда столпились и все остальные. Мало-помалу глаза Кроммера привыкли к темноте, и он мог отчетливо различать фигуры, а у некоторых даже черты лица. Писарь имел бледное, безбородое лицо с хитрым выражением и маленькими лукавыми глазками; он постоянно держал руки в карманах и перебирал там какие-то невидимые предметы.

– Есть у тебя деньги, дружище? – спросил он немца.

Кроммер невольно поднял вверх крепко связанные веревкой руки, как бы желая защитить свое достояние.

– Нет-ли у вас карманного ножа, сударь? – спросил он нерешительно. – Веревки причиняют мне нестерпимую боль.

Горбун захохотал. «Вы?» повторял он, «Вы?» Нет, приятель, здесь мы все на ты. Раскошеливайся-ка лучше.

– Но я не могу пошевелить пальцем.

Горбун поискал глазами в толпе. – Волк! – сказал он по-английски. – Пойди-ка сюда; тут есть тебе работа.

Из кучки выделилась длинная, тощая фигура, с темными, ввалившимися глазами и черными волосами.

Из-за полуоткрытых губ виднелись белые блестящие зубы, он щелкал ими, как голодный.

– Волку пожива? – сказал он самым низким тоном своего богатого звуками голоса.

– Грызи, грызи! – кричали зараз десять голосов. – Поточи свои зубы. Кусь, кусь!

Все они хохотали. Тот, кого называли волком, взял руки немца в свои, поднял их и начал грызть конопляную пряжу. Он перегрызал, перетирал, перемалывал зубами нитку за ниткой до тех пор, пока, наконец, веревка истончилась так, что, дернув, ее удалось перервать пополам.

– Еще одна, – сказал Волк, весело похлопывая разгрызенной веревкой, – девяносто восьмая.

– Большое тебе спасибо, добрый друг, – простонал Кроммер, вертя во все стороны онемевшие, затёкшие руки.

– Ты занимаешься грызением из любви к искусству?

Писарь перевел вопрос, а затем и ответ. – Они напрасно стараются, – проворчал Волк.

Ответ звучал несколько таинственно, и горбун нашел нужным дать некоторые пояснения. – Полицейские всегда приводят арестантов с связанными руками, – сказал он, – и хотели бы, чтоб они так и оставались, но это не удастся, потому что Волк перегрызает веревки.

– Но ведь через несколько дней они могут опять связать?

– А Волк их опять перегрызет.

– Неужели у него такое сострадательное сердце? – спросил растроганный старик.

Громогласный хохот огласил камеру.

– Ну, нет! – возразил писарь, – он просто ненавидит начальство и делает ему наперекор. Это радует его душу. И вот, если не в меру усердный надзиратель, в виде особого наказания за нарушение тюремных правил, навяжет веревки, то уж Волк наш начинает точить зубы. Тот это знает, и они так из года в год воюют, не уступая друг другу ни на волос. Однажды чиновник попробовал надеть на одного арестанта железные кандалы и как заметил на губах Волка улыбку, – тут же раскаялся в своей неосторожности. Когда он зашел в другой раз, наш добрый приятель уж успел все звенья цепи расплывать по всему полу и молча уставился тому в глаза. Этот взгляд леденит душу.

Немец почувствовал нечто вроде головокружения. Куда, в какое общество он попал?

– Неужели Волк уже целый год здесь? – спросил он с расстановкой.

– О, уж больше. Ему уж скоро выйдет решение. – И калека провел по шее указательным пальцем. – Эту веревку уж трудненько будет перегрызть бедному Волку, – прибавил он.

Кроммер вскочил, как ужаленный. – Ведь не о виселице же вы говорите? – вскричал он, – не о смертном приговоре? О, нет, нет, это было бы слишком ужасно.

– Вещь самая обыкновенная, – сказал писарь. – Наш приятель в недобрый час отправил на тот свет человека, которого ненавидел, вот...

– Неправда! – заревел Волк. – Ты не смеешь говорить этого, горбун, или я раздавлю тебя, как пустую яичную скорлупу.

Писарь потер свои худые руки. – Вечно ты со своими неуклюжими манерами, медведь ты этакий, – сказал он со смехом. – Я-то, конечно, вполне уверен в твоей невинности, да другие не так думают: вот о них я и говорю.

– Чорт бы их подрал! В этом проклятом доме честный мальчик не успеет и оглянуться, как ему затянут пеньковый галстук. А ты-то что сделал? – обратился он к немцу.

– Я? О, ничего, ничего. Я также невинен, как...

– Как новорожденный белый ягненок, – это само собой понятно. В этом почтенном обществе все только самые настоящие джентльмены.

И по камере вновь прокатился всеобщий хохот. – Может быть, несмотря на это, тебя обвиняют в воровстве? Уж и это довольно скверно. Вы с Волком будете висеть рядом, на одной виселице.

Кроммер почувствовал, что волосы на голове у него становятся дыбом, – Они думают, что я украл бриллианты у лэди Кроуфорд, – со вздохом сказал он – Это была проделка моего двоюродного брата, который и меня тут запутал.

Некоторые из арестантов тихонько засвистали. «Бриллианты лэди Кроуфорд! Не мелко ты, братец, плаваешь. Ну, не миновать тебе свадьбы с дочкой веревочника».

– Вы думаете? – вскричал немец. – Но кто же вешает воров. Если бы даже допустить, что я вор? На моей родине только закоренелых злодеев наказывают смертной казнью.

– Ну, так там я непременно бы стал воровать, – прошу прощения! Даже постарался бы, чтоб меня напрасно заподозрили в воровстве. Только, видишь ли, приятель, сказал писарь, крепко стискивая руку немца, – мы в Англии, и тебе так же не миновать виселицы, как жизни не уйти от смерти! Тебе бы придумать что-нибудь поумнее, а не раздражать высокопоставленных господ. А любишь кататься, – любя и саночки возить! Давай-ка деньги, мертвый человек, живые-то лучше с ними распорядятся.

Кроммер с силой отдернул свою руку, – Не хочу! – закричал он. – Пустите! Все, что у меня есть, это – сущие пустяки, но, если я действительно должен умереть, все это – единственное наследство для моего сына.

– До твоего малыша нам дела нет, приятель. Давай-ка деньги.

– Дайте дубине работу, так и та найдет, что поест. Господи! Этот счастливчик на свободе, чего еще ему надо?

Вся толпа скучилась вместе и напала на немца, притиснув его к стене, где он не мог уже отбиваться. В это время сквозь туман проглянул бледный месяц, и в мутной полосе света, прорезавшей тюремную тьму, можно было разглядеть все эти искаженные лица, с жадно горящими глазами, которые старались отнять у немца его ничтожные сбережения.

В продолжение нескольких секунд все они толпились, жали и мяли друг друга, и Кроммер почувствовал, что его со всех сторон обшаривают несколько привыкших к воровству рук.

– Тебе уж денег больше не надо, – давай их сюда!

– И часы! Часы!

– У него еще и часы? Ого! Это уж моя добыча!

– Нет, моя! Такая находка в редкость!

Голову Кроммера загнули назад, кто-то крепко держал его за руки, а колени прищемили, как в тисках, и со всех сторон давили так, что он едва дышал. Рылись во всех карманах и тащили оттуда все, – деньги, часы, карманный нож, трубку, даже носовой платок и галстук. Когда больше взять уже было нечего, его бросили, и он, совершенно изнеможенный, упал в угол, а арестанты, присев на корточки, старались отнять друг у друга награбленное. Слышались брань, ругательства и, время от времени, подавленный стон физической боли. Кроммер чувствовал какое-то оглушение и притупление всех чувств; он ощупывал пустые карманы, задавая себе бесцельные вопросы, – неужели все его трудовые деньги пропали для него безвозвратно?

Вдруг загремели ключи и засовы, тяжелая железная дверь распахнулась, и в камере появился тюремный сторож, держа в левой руке фонарь, а в правой ременную плеть, которою он размахивал в воздухе.

– Бездельники! – кричал этот маленький широкоплечий человек с пьяным лицом. – Негодяи! Хотите, чтоб я разогнал вас?

И плеть, хлопая, пошла гулять по спинам, головам, рукам и плечам, даже по бледным, испытанным лицам и в бессильной злобе сжатым кулакам. Поднялись кроки, жалобы, проклятия, угрозы, которые леденили кровь в жилах немца. Арестанты все столпились в кучу, но никто не оказывал сопротивления расхажившему надзирателю; они изгибались, под ударами, стараясь как-нибудь защититься от плети хоть лицом, но ни одна рука не поднялась, чтоб выхватить это орудие пытки. Лишь один отделился от толпы, но не для открытого нападения: он втихомолку, медленными, но уверенными шагами отошел прочь. Это был Волк. Он улыбался, скрепив руки, как бы сознавая, что его не может коснуться ни один удар; он щелкал острыми, белыми, сверкавшими при свете фонаря зубами. Глаза надзирателя следили за ним с дикой ненавистью. Оба секунду стояли неподвижно друг против друга, словно настоящие волк и охотник в борьбе на жизнь и на смерть. Наконец, надзиратель опустил плеть и пошел к двери, сопровождаемый шипением и вытьем своих жертв.

Сотни раз надевал он арестантам наручники, в надежде утратить их, и каждый раз его противник разрушал его надежды. Он ненавидел его, способен был хладнокровно задушить его. Уходя, он еще раз обернулся, посмотрел на Волка и, когда взгляды их встретились, провел пальцем по шее. «Повесят!» означал этот жест. Волк оскалил зубы, но не произнес ни слова.

И тюрьма опять погрузилась в тьму. Кроммер почувствовал под ногами что-то жидкое, липкое, машинально он дотронулся до этого дрожащими пальцами, и запачкал их в теплой красной человеческой крови. Это уже было слишком. Нервы Кроммера не выдержали, и он бессильно опустился на землю.

Пока все это происходило. Антон напрасно ждал возвращения домой отца. Сначала он открыл у себя на чердаке окно и смотрел на факелы кукольного театра, который его сильно интересовал. Но всех прелестей его он не мог рассмотреть на таком расстоянии и успокоивал себя надеждой, что пойдет завтра и увидит представление. Тут были и чорт, и архангел, и трубочист, и мельник и наконец сверхестественной величины кот. Как хотелось Антону увидеть все это поближе!

С Темзы дул холодный ветер, шум и гул тысячи голосов однообразным глухим звуком доносился до одинокого мальчика. Это наводило на него истому, заставляло душу и тело дрожать, как в ознобе и обессиливало дух, угнетая нервы. Куда же делся отец? Он должен вернуться с минуты на минуту.

Слышно было, как внизу, в харчевне, распевали матросы, кто-то скверно играл на арфе, выла собака и время от времени долетал беспутный смех. Между прочим произошла драка, стучали кулаками по столам, стулья и стаканы летели на пол, весь дом дрожал от ударов, которыми пьяные люди награждали друг друга.

Антон тихонько вздохнул. Какая разница, – здесь и там, на далекой родине, где шумели германские буки, и где жили простые, мирные люди, которым так чужды были сцены, подобные этой. Он сел на кровать и закрыл лицо руками. Теперь он уже не мечтал ни о кукольном театре, ни о танцующем медведе. Одиночество произвело на него свое пагубное действие, – он думал беспокойные думы. Что-то ждет их там, в неведомой Америке?

Прошел еще час. Глухой бой церковных часов отзвонил полночь. Антон опять опустил голову на подушку, – ведь и правда, что за беда, если он соснет минутку до прихода отца? Не прошло и нескольких минут, как сон окутал его своим легким, пестрым покровом.

Вот он идет по родной деревне и смотрит на игры счастливого детства; вот он дома и видит мать, – свою умершую мать. Она гладит его по лицу, целует и как прежде, когда он был ребенком, называет своим единственным, обоим любимцем. Но к счастливым грезам мало-помалу примешалось кое-что и из действительной жизни. Вот театр марионеток, – видано ли что-нибудь подобное в деревне! Он покажет все эти прелести своим товарищам, – только бы вернулся скорее отец. Он недавно еще говорил о счете квартирного хозяина, вздыхал и ломал голову, откуда взять денег, чтоб честно с ним расплатиться.

Антон что-то говорил во сне и ворочал голову из стороны в сторону. Да, сколько же времени они уже в чужом городе? Неделю? Может быть, месяц? Он чувствовал, что жар и холод попеременно пробегали по его жилам. Какой ужасный счет! Сотни, тысячи, – Боже, защити их! Такой кучи денег никогда и не бывало в том кожаном мешке, который отец носил на себе. Потом опять шум в харчевне. Он хотел заговорить и проснулся от звука собственного голоса.

В доме царствовала полнейшая тишина. Черная, непроглядная тьма наполняла чердак. Сердце Антона начало колотиться сильнее.

– Отец! – позвал он тихим голосом. Никакого ответа. Ни малейшего движения!

Мальчик вскочил и ощупью подошел к кровати старика. Он ощупал руками подушки. Никого. Тогда его взяло беспокойство. Он чувствовал, всем существом своим чувствовал, что это уже не поздний вечер, что прошла уже половина ночи. Такая тишина, такое отсутствие всяких жизненных звуков в больших городах бывает только перед ранним утром.

В потьмах Антон сжимал свои руки, он чуть не плакал. «Боже, о Боже!» – шептал он, – «что случилось?» И снова начал прислушиваться, – нигде ни звука. Если б горела хоть лампа, а то эта темнота в окружающей его мертвой тишине была ужасна, она жгла его мозг и вызывала огненные искры перед глазами.

Быстро решившись, Антон ощупью открыл дверь и спустился на три ступеньки. Из нижнего этажа был виден слабый свет; там терли песком полы, мыли посуду и приводили в порядок столы и стулья. Антон увидел хозяина харчевни, немца, с честным лицом и таким же честным сердцем.

Немец поставил на стол кружку, которую мыл и вопросительно глядя на Антона, с удивлением покачивал головой.

– Ну, – сказал он, – что это с тобой случилось?

Антон с трудом овладел собой. – Куда мог деться мой отец, господин Романн? Ведь его нет у вас в харчевне?

Хозяйка и служанка оставили работу и переглянулись. Наступило то тяжелое молчание, которое всегда предшествует печальным догадкам.

– Господь его знает! – сказал, наконец, хозяин, – Такой серьезный, степенный человек, – как это можно, чтоб он загулял где-нибудь до утра.

Антон и сам отлично знал это. Если бы отец его вернулся, он, конечно, прошел бы в свою комнату, а не в харчевню, где шумела пьяная компания.

Невыразимый ужас наполнил сердце юноши. Ему вспомнились рассказы о разбойниках, которые нападают по ночами на путешественников, и о всевозможных несчастных случаях. Окружающая тишина, как кошмар, давила его мозг. – Ведь входные двери открыты, – не правда ли? – спросил он наконец. – Надо, чтоб отец мог попасть домой, когда вернется.

– Никто не стучался, молодой барин, я бы услышала во всяком случае.

Антон чувствовал себя, как парализованный. – Можно мне побыть в харчевне? спросил он упавшим голосом.

– Конечно, сколько угодно, только не снимай засовов и не стучи железными запорами, а то с улицы могут заметить.

– И тогда нагрянут?

– Понятно. От этого народа только запоры и спасают. – Садись вот там, в угол, – прибавил он, – я принесу тебе чего-нибудь согреться, мой мальчик. Не вешай голову; не надо сразу уж считать все потерянным. Может быть, старик сидит себе со своим родственником и судит да рядит о том, да о другом.

Антон печально покачал головой. – Не может быть, господин Романн. Отец никогда, по доброй воле, не заставил бы меня переживать такую тревогу.

Хозяин вздохнул. – Ну, мне надо все-таки соснуть часок-другой, – объявил он. – Без этого нельзя. Так ты ни под каким видом не откроешь двери, юноша?

– Только, если постучится отец.

– Да, да, конечно.

А сам про себя добрый человек подумал: «этого не скоро дождемся». Но во всяком случае он не произнес этих безотрадных слов и вышел, оставив нашего юного друга в неопишемом состоянии духа.

Отец его умер, он это знал наверное, убит на улице; Что же будет дальше? Куда идти, чтоб узнать все подробности?

И потрясенный до глубины души, он заплакал, как ребенок.

Глава II

Отчаяние сына. – Во дворце лорда. – Ужасное открытие. – Оскорбленная гордость и стойкость честного убеждения. – Обманутые надежды. – Голландец. – Мнимое счастье. – В мастерской фальшивых монетчиков.

Часы проходили за часами. Забрестило раннее утро, окутанное серым покрывалом тумана, и, вместе с ним, начал оживать смутный шум возобновлявшейся человеческой деятельности. Загнанная кляча уборщика улиц протащила мимо дома телегу; за которой шагал тряпичник, тыкая палкой с железным наконечником в водосточные трубы, а при случае употребляя ее и как орудие в побоищах со своими ближними. Проехала тележка крестьянина, который вез в город молоко на продажу; прошел булочник, а немного погодя продавец овощей. Пробыло шесть часов; Лондон проснулся, улицы наполнялись народом, и, приостановившаяся на некоторое время, жизнь вчерашнего дня снова возобновила свое неустанное движение вперед.

Хозяин вернулся в харчевню и увидел, что юноша продолжал неподвижно сидеть на месте. стакан с вином оставался нетронутым, и Антон и теперь не видал ничего, а только продолжал прислушиваться, не постучат-ли у двери, не вернулся-ли отец хоть теперь, когда миновала уже ночь. Так просидел он все эти часы, весь поглощенный одной мыслью: вернется-ли отец. В ребяческой наивности он приравнивал условия жизни большого города к условиям своей деревни в Голштинии и думал, что в случае какого-нибудь несчастья или совершенного преступления, соберутся люди, начнут об этом разговаривать и выскажут словами всеобщее негодование.

Бедный Антон! Скоро пришлось ему расстаться с этими детскими взглядами.

Господин Романн, хозяин харчевни, сказал, покачивая головой:

– Слушай, юноша. Ведь так дела оставлять нельзя. Как ты думаешь?

Антон поднял глаза. – Что вы хотите сказать, господин Романн? – спросил он вполголоса.

– Гм! По-моему, тебе надо бы сходить к твоему родственнику. Дворец Кроуфорда укажет тебе всякий ребенок.

– Я и сам знаю, но как же могу я уйти отсюда? Вдруг в это время вернется отец?

– Ну, так и слава Богу, – чего же лучше?

Антон с усилием поднял отяжелевшие веки; взгляд его выражал смертельный ужас. – А как вы думаете по правде, – увижу ли я отца, господин Романн?

– Гм! Кто же может это знать! Одному Богу известно, мой добрый юноша. О таких вещах трудно иметь какое-нибудь мнение.

Антон встал, он с трудом держался на ногах. – Я пойду туда, господин Романн. Только вы должны мне дать слово: если отец вернется, не пускайте его никуда без меня. Скажите ему, что я...

Но слова остановились у него в горле, он молча смотрел остановившимся взглядом, и даже хозяин с трудом сохранял свое привычное самообладание перед силой этого отчаяния.

– Хорошо, – сказал он после некоторого молчания. – Если он придет, я задержу его, даже если бы пришлось употребить силу. Ну, дружок, садись пока вот здесь, жена принесет тебе сейчас горячего кофе.

Но Антон отрицательно покачал головой. – Я не могу есть. Нет, нет, благодарю вас, но я не в силах.

Не прибавив ни слова, он ушел к себе на чердак умыться и переменить платье. Тут стояла кровать отца, лежали разные вещи, которые он ежедневно держал в руках. – Антону казалось, что сердце его готово разорваться на части.

Он все еще продолжал прислушиваться, хотя дверь внизу была уже открыта, и посетители беспрестанно входили и уходили. С каким мучительным чувством ждал он удара, который ежеминутно мог обрушиться на него и который неизвестность скрывала для него темным облаком.

Не торопился он, собираясь выходить из дома, и даже, выйдя на улицу, все еще медлил, как будто ему было совершенно невозможно добровольно оставить это место, единственное, которое все же составляло для него подобие родного гнезда, и идти в какую-то неведомую даль.

Он напрягал зрение, стараясь разглядеть сквозь туман, не идет-ли, наконец, отец, без которого он погибал.

Холод пробежал по всем членам юноши. Дорога его шла мимо балагана, забранного неотесанными серыми досками, где находился театр марионеток. Антон с ужасом отвернулся. Каким нелепым, отвратительным кривляньем показалось ему теперь то, что еще вчера могло его так радовать.

И, ускорив шаги, он почти пустился бегом. Переступив порог дома, от которого оторваться ему было так трудно, очутившись на чужой ему улице, он уже не имел ничего, что могло бы мешать ему скорее стремиться к цели. Он чувствовал, что долее выносить муки неизвестности было свыше его сил.

Трудовой день был в разгаре, густые толпы двигались по всем направлениям, по всему Лондону стоял трескучий шум большого города. В каких-нибудь сорок пять минут Антон прошел путь, требовавший часа времени, и уже стучался дрожащей рукой в боковую калитку дворца Кроуфорда, а когда привратник отворил ее, Антон, весь бледный, уставился на него возбужденными, беспокойными глазами.

– Слуга Томас Шварц дома? Мне нужно бы видеть его.

Привратник повернул голову. – Опять немец, – закричал он другому слуге, работавшему во дворе. – Может, и этот из той же воровской шайки. Не задержать-ли его?

– Впусти его и запри калитку; тогда можно будет спросить его сиятельство, и по крайней мере не имею охоты брать на себя никакой ответственности.

– Да и я тоже.

Привратник, говоривший это, вынул ключ из замка и опустил его в карман, потом, указав на ближайшую скамейку, сказал несколько слов, приглашая Антона присесть. Антон, конечно, же понял.

Второй служитель убежал, а между тем вокруг Антона и привратника собралось несколько человек других. Привратник стоял так, что мог в каждый момент схватить мальчика за руку и удержать, если бы ему вздумалось бежать.

– Как странно ведут себя эти люди, – подумал Антон. – Но, слава Богу, Томас очевидно дома, иначе никто не побежал бы за ним.

Беспокойство его, однако, возросло до высшей степени, в добавок ко всему он не знал даже своего родственника в лицо, и это делало его положение еще более затруднительным.

Через несколько минут слуга вернулся и кивнул мальчику, чтобы он шел за ним. – Его сиятельство, желает его видеть, – прокричал он остальным.

– Ну, и осел же этот детина! – вскричал один.

– Шш! Может быть, он понимает.

– Во всяком случае, он не прочь пошпионить.

Все собравшиеся проводили любопытными взглядами стройного мальчика, спокойным шагом проходившего через двор. Как бы то ни было, он без всякой нужды лез головой прямо в пасть ко льву.

Антон не понимал хорошенько, зачем его ведут, вместо того, чтобы позвать к нему Томаса; он шел за своим провожатым по роскошно убранным покоем дворца вплоть до комнаты, где его ждали два господина, лорд и его молодой родственник, умевший говорить но-

немецки. Наш неопытный друг смущенно поглядывал то на того, то на другого. Сколько он мог понять, ни тот, ни другой не походили на слуг.

– Подойди сюда, мальчик! – приказал зять лорда. – Скажи нам, кто ты и. зачем ты пришел в этот дом?

Антон, державший в холодных руках шапку; смело поднял глаза и в коротких словах ответил на вопрос.

– Куда ушел мой отец? – прибавил он голосом, в котором звучала любовь. – О, прошу вас, почтенные господа, скажите мне, со вчерашнего вечера я страшно беспокоюсь за него.

Оба англичанина поговорили несколько минут между собою, и затем Антон узнал в нескольких холодных словах о том, что случилось. – Твой отец вор, – сказал в заключение зять лорда, – или по крайней мере, сообщник вора. Он сидит в тюрьме и ждет приговора.

Едва молодой англичанин успел произнести эти слова, как уже раскаялся, что выразился так неосторожно: он боялся, что Антон упадет тут же на месте.

Глаза бедного мальчика остановились, лицо приняло зеленоватый оттенок, в груди, от избытка боли, остановилось дыхание. Прошло несколько минут, прежде чем он мог вымолвить несколько слов, которые по одиночке, с трудом, срывались с его губ.

– Мой... отец... вор!

– Да, мальчик, но так как ты, очевидно, ничего не знаешь об этой позорной истории, то его сиятельство желает оказать тебе милость и, если у тебя нет средств к жизни, предлагает взять тебя к себе в услужение.

Дальше продолжать ему не пришлось, потому что Антон с гневом поднял сжатый кулак, словно хотел повалить на землю говорившего. – Мне идти в услужение к лорду? Мне? Сыну оскорбленного, доведенного до отчаяния человека? Никогда! Лучше я буду работать, как поденщик.

Господин пожал плечами. – Попробуй, – сказал он спокойно. – Испытай на себе, что стоят голые руки шестнадцатилетнего мальчика в Лондоне.

– И попробую, – запальчиво отвечал наш друг. – Здесь же нога моя больше не будет. Впрочем, еще одно слово. Где мой родственник? Можно мне повидать на одну минуту Томаса Шварца?

– Такого человека здесь никто не знает. Правда, до последнего времени в этом доме был слуга, который называл себя Виллем, – Виллем Робертсом, по-видимому, это тот самый, о ком ты спрашиваешь, но он скрылся тотчас же, как только, было обнаружено воровство.

– О, Боже! И никто ничего не знает о нем?

– Никто, ничего.

Антон сделал короткий поклон. – Больше мне нечего делать в этом доме, – сказал он. – Прощайте.

– Прощай, мальчик. Помни, что если когда-нибудь тебе придется плохо, ты всегда можешь обратиться к его сиятельству.

Антон поднял руку, как бы желая остановить его.

– Никогда, если бы даже мне пришлось голодать на улице.

– И это очень легко может случиться, если твое упрямство пересилит благоразумие, любезный друг.

– Хорошо, хорошо, это уж мое дело.

И наш друг пустился в обратный путь домой, полный тоски и отчаяния, надрывавшего его сердце, полный негодующей злобы.

Его собственная будущность мало его заботила, но его отец, его несчастный отец! Он готов был кричать от душевной боли.

Хозяин ужаснулся, выслушав рассказ Антона. – Пойман в воровстве! И у такого важного лица, как лорд Кроуфорд. Господи! вот так несчастье! Он стоял, разводил руками и молча и

печально смотрел на мальчика. – Старик не виновен, – сказал он после короткого молчания, – его запутал этот убежавший мошенник, а рассчитывать приходится ему. Но красть у него не было намерения, – за это я готов отдать голову.

Растроганный Антон протянул ему руку. – Благодарю вас, господин Романн. Право вы один отдаете справедливость моему отцу. Он невинен, это как Бог свят. Господь обнаружит позорный обман и восстановит честь опозоренного человека.

– Дай Бог! – сказал хозяин. – Это штука плохая.

– Я крепко уповаю на Бога, – вскричал Антон. – Он не может оставить, он не оставит невинных!

– А теперь о другом, – прибавил он решительно. – До окончания дела я, конечно, должен оставаться здесь, в Лондоне, и поискать себе заработок. Не можете-ли вы взять меня в услужение, господин Романн? Я удовольствуюсь сухим хлебом и соломенным тюфяком; я буду исполнять самые грязные работы.

Добряк глубоко вздохнул. Очевидно было, что он сильно боролся сам с собой. – Не могу, дорогой мой юноша, – сказал он, наконец, – перед Богом, не могу. Тут по всей улице, на каждом шагу по харчевне, и везде продают джин и грог; нам, немцам, соперничать с англичанами почти невозможно, и приходится благодарить небо, если детишки каждый день накормлены. А у меня, ведь ты знаешь, их восемь человек.

Антон кивнул головой. – Ну, так я пойду в другом месте поищу работы, – сказал он. – В гавани всегда требуется много работников, а теперь там как раз идет уборка снега. Если я найду какую-нибудь работу, то, до освобождения отца, займу комнату, у вас, господин Романн.

– Вот и прекрасно, прекрасно, – сказал с жаром хозяин. – Дай Бог, чтобы все сделалось по твоему желанию, мой мальчик.

А потом, когда Антон ушел, он обратился к своей жене и сказал, покачивая головой: – Ах, мать, если бы мы могли оставить бедного мальчика у себя и позаботиться о нем. – И он вздохнул до глубины души. – Что с ним будет? Он воображает, что в мире стоит только протянуть руку, чтобы получить сколько угодно работы.

Жена провела кончиком фартука по огорченному лицу.

– Но, мы не в состоянии прокормить его, старик, это совершенно невозможно. Господи, Боже! наши собственные дети сыты с грехом пополам.

– Знаю я это, мать. Но как это грустно, что сердцу приходится справляться с кошельком.

И оба старика, опечаленные, вернулись к своей работе, между тем как Антон быстрыми шагами шел к гавани.

Он найдет себе какую-нибудь работу и будет жить очень экономно. Таким образом он заработает столько денег, чтоб нанять адвоката для своего несчастного отца; с помощью адвоката ему, может быть, удастся попасть в тюрьму, на свидание к отцу, или установить с ним переписку. Сердце это забилося сильнее и легче; сознание, что ему необходимо работать, облегчило до некоторой степени его тоску, отодвинуло ее назад, и он почувствовал прилив силы, искавшей выхода. Антон решил работать, вместо того, чтобы предаваться отчаянию.

В гавани царил та живая, кипучая деятельность, которая не вполне прекращается даже зимой. Тяжелые парусные суда, совершенно непохожая на наши теперешняя, разгружались и нагружались, приходили и уходили, чинились и снабжались новыми снастями. Рабочие носили и возили самые разнообразные предметы торговли, катили бочки и тачки, между тем, как пассажиры отходящих и приходящих судов толпились на сходнях. Антон видел сундуки и чемоданы, которые эти путешественники имели при себе, он почтительно подошел к одному господину и предложил ему свои услуги.

О, радость! Джентльмен протянул руку, чтоб передать ему ручной чемодан, но прежде чем наш друг успел взять его, прежде даже, чем он успел собраться с мыслями, чей-то сильный

кулак ударил его по затылку и отбросил на три шага назад. Поток бранных слов так и полился на Антона, раскрасневшееся от водки лицо смотрело на него со злобой.

Наш друг был в таком настроении, когда всякое оскорбление кажется невыносимым; все в нем заходило и закипело. – Чего вам от меня надо? – свирепо закричал он. – Какое вам дело, если я хочу честно заработать кусок хлеба?

– Хо-хо! – захохотал нападавший, – Мальчишка еще к тому же и иностранец, – не бойсь, из тех чудаков, по ту сторону канала?

К нему присоединились многие другие. – Это немец, вскричал один.

– Зачем же он тут затесался? Чего ему надо? Урвать от нас последний кусок хлеба?

– Разве он состоит плательщиком в нашем союзе? Принадлежит к цеху гаванских носильщиков?

– Накласть ему хорошенько в загривок, так позабудет, как ходить сюда.

Из всех этих восклицаний Антон не понял ничего, однако кулаки его были сжаты, и глаза, задорно блестели. Страстный гнев так и подбивал его лезть на драку.

Но тут вмешался чужой господин. Он вынул из кармана монету и предложил ее нашему другу. – Вот, возьми, мальчик! – сказал он добродушно. – По-видимому, здесь право носить багаж принадлежит особому цеху, ты же не имеешь этого права.

Но Антон сильно покраснел и отвернулся. Взять подачку! Нет, лучше провалиться сквозь землю!

Господин пожал плечами: – Не желаешь, так, как хочешь! И с этими словами господин пошел дальше, а один из носильщиков понес его багаж. Остальные разошлись тоже, и Антон остался один, с сжатыми кулаками, с сердцем, переполненным отчаянием. Сколько вопиющих несправедливостей должен он выносить молча.

Тут Антону вспомнился приятель его отца, в которого старый, честный Кроммер слепо верил, за которого он поручился по векселю, чтоб избавить его от гибели, и который однако же обманул его, лишил его дома и крова и заставил бродить на чужбине бездомным скитальцем. Это было первое страшное преступление против того, кто был честен и добр, а потом второе, еще более гнусное, еще более возмутительное. Его, который никогда даже в мыслях не посягнул на чужое добро, обманом и коварством вовлеченного в преступление, бросили в тюрьму, как мошенника и грабителя.

И на все это небо спокойно взирало, все это оставалось безнаказанным, всего этого было еще мало, чаша страданий еще не переполнилась. Еще и ему самому становились поперек дороги, мешали работать и в самом зародыше губили слабые надежды...

Какой горечью, какой едкой, жгучей болью было переполнено его сердце.

Антону казалось, что все заволось тучами, и он безнадежно поник головой. Как, слезы? У него в глазах слезы? Нет, он жаждет мщения, он хочет драться, он готов все разметать, все обратить в дребезги. От злобы ему хотелось самый мир перевернуть вверх дном.

Антон бесцельно шел вперед, употребляя все усилия, чтоб заглушить внутренний голос, который безустанно нашептывал ему одно и то же. Но эти усилия оставались тщетными, и он опять и опять начинал прислушиваться к тому, что говорил этот голос: – «Тебе следовало с благодарностью принять великодушное предложение лорда Кроуфорда, и тогда ты получил бы возможность сделать что-нибудь для твоего несчастного отца. Лорд узнал бы подробнее об обстоятельствах обвиняемого, узнал бы, что за человек Томас Шварц, и стал бы ходатайствовать за отца. Да и сам ты не терпел бы нужды».

Он не в состоянии был заставить замолчат этот тихий голос, он мог только перекричать его.

«Хотел бы я убить этого лорда, задушить его собственными руками». Вот все, что он думал.

В самом мрачном настроении Антон продолжал свои поиски. Он останавливался у каждого судна, возле каждой кучки рабочих, везде предлагая свои услуги и везде, в той или иной форме, получая отказ. Здесь говорили, что всего скорее он найдет работу в другом месте, там замахивались на него палкой, или просто выталкивали прочь, в других местах над ним издевались.

Он подошел к барке с дровами и попросил работы. К нему обернулся громадного роста детина, прищурился и испытующе оглядел новичка, желавшего взяться за одну из самых тяжелых и утомительных работ; вдруг он схватил нашего друга за плечи и поднял его кверху, как поднимают маленьких детей.

– И такая-то муха, такой карапуз лезет в нагрудники, – вскричал он.

Недружелюбный смех раздался вслед за этими словами. «Приходи лет через десять, – сказал кто-то, – тогда твои кости лучше будут годиться!».

Другой вытащил громадную флягу. – Хлебни ка малость, малыш, – сказал он. – Ты такой бледный, такой вялый, не бойсь с утра маковой росинки во рту не было, а?

– Господи! у самих гнездо ребят дома.

И вслед за этими словами протянулась чья-то сострадательная рука, и кусок хлеба и добрый кусок сала полетели навстречу нашему другу. Как туча мух окружили его все эти слова, как лезвие ножа резануло дружелюбное предложение работников.

Итак, его принимают за нищего!

Он молча повернулся и пошел дальше.

У всех тут было свое дело, только он один был совсем лишний, у всех была цель, к которой они стремились; только у него не было ни отчизны, ни пристанища, где его встретило бы другое сердце тепло и любовно. Он почувствовал себя очень, очень несчастным.

Свинцовое небо низко нависло над покрытой снегом землей. Там и сям, в сером тумане, одна за другой летали и каркали вороны. И у этих было свое привычное место, куда они собирались вместе на ночлег. А он? У него не было ни друзей, ни надежд, ни опоры.

Ему пришло в голову еще попытаться у уборщиков снега. Они работают по всему городу, потому, быть может, примут его и дадут возможность заработать хоть несколько пфеннигов! Он пересчитал в кармане свои деньги и глубоко вздохнул; там было всего несколько грошей, – все деньги отец унес с собой. О, Царь небесный! Какие надежды на ближайшее будущее! Он встрепенулся; время было уже послеобеденное, скоро наступят сумерки. Неужели все эти часы с раннего утра пройдут даром, не принеся с собой ничего.

И опять ему послышались слова господина, говорившего по-немецки, во дворце Кроуфорда. «Испытайте, что стоят голые руки мальчика в Лондоне.»

Ему стало страшно, он пошел искать уборщиков снега.

Но близости, в узких улицах и переулках гавани не было ни одного. Перед каждым домом домохозяева и жильцы наваливали целые груды снега и льда, через которые прыгала уличная молодежь. Проезжавшие возы оставляли на них глубокие борозды, а тысячи ног разносили снег на своих подошвах, так что убирать было нечего. Бедный народ, со своими невзыскательными привычками, легко мирился с зимним покровом до тех пор, пока придет тепло и очистит их улицы. И Антону казалось это очень естественным.

Антон пошел быстрее. Неужели он заблудился? Еще две-три узкие улицы, и он очутился в совершенно незнакомой части города. Этого только не доставало!

Несмотря на холод, он весь покрылся потом.

Каким образом попадет он назад, в харчевню немца?

Он обращался десять, двадцать раз к прохожим, расспрашивая о дороге, но никто не понимал его; наконец, один полицейский обратил на него внимание и вывел через дворы и задворки перепуганного и обессиленного мальчика в хорошо знакомую ему улицу, где нахо-

дился кукольный театр, и где медведь уже собирал деньги на жестяную тарелку. Антон с содроганием отвернулся.

Наступил вечер. Наш друг видел, как длинной вереницей тянулись с работы уборщики снега, с лопатами на плечах и с короткими дымящимся трубками в зубах. С некоторыми шли дети, цепляясь за отцовскую руку, иные запевали веселые песни, а Антон с беспокойной завистью смотрел им вслед, словно эту скромную долю они похитили у него самого.

Вот уже он перед дверью харчевни; пьяные, пошатываясь, то входили, то уходили, как в тот вечер; сени были ярко освещены, а за прилавком хозяйничали Романн и его жена, с деловой улыбкой, которая появлялась у них на лицах, – вроде праздничной одежды, – вместе с первым посетителем. На прилавке, за бутылками, стояла целая масса тарелок с готовыми бутербродами, пахло мясом и сыром. Антон вдруг почувствовал приступ страшного голода. Со вчерашнего вечера у него не было во рту ни кусочка.

Но, конечно, эти разубранные тарелки были не для него, он знал по опыту, как это дорого.

Он вышел опять на улицу, отыскал по близости булочную, где на все свои деньги купил хлеба и затем скромно попросил у женщины, стоявшей за прилавком, стакан воды. Вероятно, бледное лицо и темные круги под глазами юного чужестранца пробудили чувство сострадания в сердце продавщицы, потому что она окликнула кого-то по имени, и, когда мальчик лет двенадцати вошел в лавку, дала ему короткое приказание. Мальчик тотчас вернулся с большим стаканом пенящегося пива, которое он с ласковыми словами предложил чужому посетителю.

– Выпей! У нас много.

Антон растерялся. «Я просил стакан воды», пролепетал он.

– О, ведь так холодно! Выпей лучше пива.

Мальчик усадил своего гостя на скамейку, запах пива был так соблазнителен, а приятная теплота лавки так манила удовлетворить потребность в пище и отдыхе. Антон почти бессознательно взял стакан и одним глотком осушил его до дна. И его юный покровитель тотчас принес ему еще другой стакан.

Антону было стыдно ужасно, но – женщина смотрела с такой ободряющей улыбкой, её глаза блестели так ласково, что отказаться было невозможно.

Покончив с хлебом и пивом, Антон протянул на прощание руку, но денег, которые, добродушная женщина хотела отдать ему обратно, не взял. И в этот момент он с болью в сердце подумал, – «не все-ли равно, – несколько пфеннигов, или ровно ничего».

Через ярко освещенные сени, в которых толпились пьяные, он пробрался к себе на чердак, где стоял ледяной холод, Единственное стекло в перекошенном окне замерзло, вода в чашке для мытья покрылась тонкой пленкой льда, постель с холщевыми простынями была холодна, как металл. Антон дрожал. До имеет-ли он право ночевать здесь? Чем заплатит он даже за такое печальное пристанище? Тем не менее он подполз под одеяло, свернулся и укутался, сколько мог. Зубы от холода стучали, как в лихорадке. Но наступивший сон не принес, собственно говоря, покоя. Смутные, беспокойные сновидения тянулись всю ночь, беспрестанно прерываясь, и мальчик, обливаясь потом, ежеминутно просыпался. То он видел своего отца в тюрьме и старался освободить его, повалив на землю лорда; то сам он шел по узким, неприятным улицам, среди оборванцев, то громоздился на глыбы снега и все спрашивал, спрашивал, не получая ответа, Он то возбужденными глазами всматривался в темноте в потолок комнаты, то прислушивался к шуму, доносившемуся из харчевни, и вновь в бессилии опускался на подушку.

А долгая, унылая ночь все тянулась!

Утром несчастный мальчик спустился в харчевню раньше, чем появился кто-нибудь из посетителей. Ему не пришлось тратить много слов; хозяин сам увидел, как обстоят дела, но, несмотря на свою собственную бедность, честный человек отказался взять пару платья, которую Антон принес ему в уплату за ночлег, и сказал, покачав головой.

– Спи себе там наверху, в чердачной комнате, пока нет нового жильца... до тех пор ведь это мне ничего не стоит.

Антон поблагодарил и снова пошел на поиски, уже совсем не так бодро, как накануне, пошел почти без надежды, только для того, чтобы не сидеть без пищи и всякого дела в своей слишком холодной комнате. Он потерял все.

На этот раз он опять случайно оказался у дворца лорда Кроуфорда. Синий дымок поднялся из трубы, у боковой калитки стояла кухонная телега и слуги, одетые во все белое, выгружали из неё корзины и ящики. В каком изобилии и как опрятно доставляются сюда припасы, как благоденствуют жители этого дома!

Антон сжал кулаки. Лучше умереть на месте, чем войти туда и просить о милости.

Он опять направился к гавани. Было еще холоднее, чем накануне, в воздухе крутился снег, иззябшие и голодные вороны еще более многочисленными стаями летели с востока на запад, но и сегодня ему не удалось заработать ни одного пфеннига.

Все воздушные замки Антона разлетелись в прах, – он видел перед собою неминуемую смерть.

Около полудня Антон, в изнеможении, опустился на скамейку и подпер голову руками. Что же будет дальше?

Однако человек не умирает так скоро. Намеченная жертва попадает в руки смерти только после долгих подготовлений, претерпев ряд долгих страданий.

Вдруг кто-то сзади положил на плечо Антона руку. – Молодой человек, – сказал свежий голос, – кажется, это не особенно приятное место для отдохновения, – вы не находите? Ведь ветер дует ужасно.

Антон пожал плечами. – Я не понимаю вас, сударь.

– А! значит, вы немец?

Это было сказано не на английском и не на немецком языке, хотя походило и на тот, и на другой.

Антон взглянул на говорившего. – Как? – спросил он, – О, Боже! да, здесь действительно страшно холодно.

Незнакомец, очень прилично одетый господин цветущего возраста, улыбнулся. – Я голландец, – сказал он своим говором, напоминавшим ниже-германское наречие. – Пойдемте, молодой человек, выпьем вместе по стакану грога, а потом вы что-нибудь расскажете. Вы приходили сюда, в гавань, каждый день, – не правда-ли?

– Я был здесь вчера и сегодня.

– Вероятно, ждете корабль? – спросил безразличным тоном незнакомец.

– О, Боже, нет! Я ищу работы, хоть какой-нибудь работы. О, сударь, может быть, вы лучше знаете здешние условия, – если бы вы могли помочь мне найти хоть самый скромный заработок. Я охотно пошел бы к кому-нибудь в услужение.

Голландец улыбнулся. – Пойдемте-ка сначала со мной, молодой человек! Выпьем чего-нибудь, чтобы согреться.

Антон смутился. – Благодарю, – сказал он сдержанно. – Право, я ровно ничего не хочу...

– Быть может, в данный момент вы в затруднительных денежных обстоятельствах? Но, стоит-ли считаться между друзьями?

– А мы – разве друзья?

Незнакомец протянул мальчику руку. – У вас какая-то неприятность, не правда ли? Может быть, вы немножко повздорили с старым папашей? Выкинули какую-нибудь шалость, а он поднял шум, словно мир в опасности. Правда?

– Ах!

И Антон, рыдая, закрыл лицо руками. Напоминание об его несчастном отце застало его до такой степени врасплох, что он потерял всякое присутствие духа.

– Уж будто так плохо? – спросил незнакомец. – Ну, пойдем же, пойдем, молодой человек, мы там рассудим.

И, увлекая за руку нашего друга, он повел его в один из бесчисленных трактиров, находившихся в гавани. Трактир был вполне приличный, между посетителями были капитаны кораблей, купцы, один маклер и другие прилично одетые господа, и ни одного пьяного, ни одного матроса. Как только хозяин заметил голландца, он тотчас подал знак кельнеру провести обоих господ в отдельный кабинет, куда им принесли карту вин и кушаний. Кельнер, с салфеткой в руках, почтительно остановился у двери.

Господин Торстратен, голландец, усадил своего гостя подле себя в угол кушетки и потом заботливо раздул в камине огонь. Камин запылал, и в комнате стало как-то особенно тепло и уютно. – Ну, теперь давайте посмотрим, что мы будем есть, сказал новоявленный благодетель Антона.

– Гм, – заячье жаркое с красной капустой, пуддинг, компот и кроме того хороший суп. Но-моему, это будет недурно. Теперь вино! Какое вино вы пьете, мой юный друг, белое или красное?

– О, сэр, я...

– Значит, красного. Только, хорошей марки, Лудвиг.

Кельнер быстро исчез, и господин Торстратен принялся греть у камина руки.

– Сначала поедим, а потом выпьем, и вы расскажете мне вашу историю. Перед людьми низшего общественного положения, – заметьте это раз на всегда, – не ведут беседы по душе.

Антон сидел с закрытыми глазами в каком-то чаду. Он не мог дать себе отчета в том, что он видел и слышал, до такой степени все это было неожиданно.

– Почему вы мне делаете столько добра, сэр? – спросил он с запинкой.

– Потому что вы в этом нуждаетесь, молодой человек. Да разве уж один обед – такое большое благодеяние? Все это вы, во всяком случае отлично отработаете современем.

– Так вы хотите достать мне работу, сэр?

– Не так громко, мой друг. Конечно, хочу.

Антон готов был расцеловать руки своего нового покровителя.

– В таком случае не велите подавать мне вина, – попросил он. – Я должен экономить, потому что...

– Тсс! Что я вам только что говорил?

Кельнер принес приборы и вслед затем заказанные блюда. Такого супа, такого вина Антон не едал никогда в жизни. За спиной у него стоял слуга, который держал блюдо, подавая ему кушанья и время от времени справлялся, не угодно-ли ему того, не угодно-ли другого. В ушах молодого человека стоял звон, его сердце начало учащенно биться.

Убрали пуддинг. На столе появилась вторая бутылка вина и блюдо с плодами; господин Торстратен спокойно чистил яблоко с красным бочком.

– Это хороший сорт, мой юный друг, рекомендую вам. Ну, теперь вы можете рассказывать вашу историю. – И Антон, ничего не утаивая, рассказал незнакомцу все, что знал, все подробности своих обстоятельств, все, что случилось с ним и с отцом в Лондоне.

Господин Торстратен, казалось, был очень доволен. – Дело совсем не так плохо, – сказал он, помолчав. – Надо только найти этого Томаса Шварца.

Антон всплеснул руками. – О, сэр! Если бы вы мне помогли в этом! Если бы это было возможно!

– Во всяком случае, это не невозможно, мой юноша. Надо присмотреться, разузнать, поразспросить кой-кого и выждать время. Что-же касается занятий для вас, то это я вам могу устроить. Для моего предприятия как раз нужен молодой человек, такой, как вы.

Антон чуть не закричал от радости.

– Кто вы такой, сэр? – спросил он, полный необузданного восторга.

– Я? – И господин Торстратен как будто призадумался. – Я резчик по меди, но дело у меня еще очень небольшое, и я работаю вместе с одним приятелем. Нам нужен кто-нибудь для разных мелких услуг, кому можно бы давать то те, то другие поручения, а главное – лицо вполне надежное, на которое можно положиться.

Глаза Антона загорелись. – О, сэр, на это я гожусь, – вскричал он. – Право, я гожусь.

– Конечно, мой милый, я это вижу. Выпьем за нашу будущую дружную и долгую общую жизнь.

Они чокнулись, и глаза Антона стали разгораться еще больше. С непривычки, выпитое вино действовало на него очень сильно, и наш застенчивый друг пустился ораторствовать, рассказывая и том и о сем, пока наконец им не овладела непреодолимая истома. Господин Торстратен посоветовал ему вздремнуть после обеда, – этот господин, очевидно, был проникнут самым трогательным участием к своему новому мальчику для посылки, он даже накинул ему на плечи шубу, которая лежала тут же, в комнате, и еще раз помешал в камине. Искры закружились и затрещали, легкий сумрак накинул уже на все свой покров, с улицы доносился свист восточного ветра и еще более усиливал приятное чувство от теплоты в комнате. Антон улыбнулся, закрыв глаза. – Как вы добры, сэр. Я постараюсь изо всех сил отплатить вам за все ваши благодеяния...

Голландец кивнул головой. – Хорошо, мой юный друг, хорошо. Не надо только во сне грезить о слишком привольной жизни! Потом всегда трудно бывает приниматься за работу.

– Это-то и радует меня, этого-то именно я и желаю. Только, не правда-ли, ведь мы все-таки будем разведывать на счет Томаса Шварца?

– Конечно. У меня в Лондоне много знакомых.

– Отлично! Отлично! Мой бедный отец должен же, должен...

Тут он заснул, а голландец бросил на кушетку торжествующий взгляд. «Теперь ты у меня в руках» – можно было прочесть в его хитрых глазах. – «Мальчуган! ты именно тот, кого я давно уже ищу, – бессознательное орудие в моих руках»..

Он тихонько вышел и дал хозяину приказание не будить молодого человека. «Завтра рано утром я зайду», прибавил он.

А Антон между тем спал, как убитый. Его здоровая юность вознаграждала себя за усталость и беспокойство последних суток; он спал крепким сном без сновидений и проспал без просыпа до другого утра, когда господин Торстратен опять пришел в трактир.

Добродушный человек рассмеялся, когда Антон, красный от смущения, начал извиняться. – Ну, теперь вы отдохнули, – сказал он, – и можете идти со мной. Нам надо сделать несколько покупок.

– Конечно, сэр, конечно. А ваше заведение близко отсюда?

– Так себе. Ну, пойдете.

Наскоро сделав туалет, Антон получил завтрак, и затем они пошли, как сказал господин Торстратен, в его мастерскую.

По дороге голландец вынул из портфеля пятифунтовый билет и протянул его нашему другу. – Видите вон там москательную лавку, Антон? Купите мне там то, что написано на этой бумажке.

– А вы меня подождете, сэр?

– Конечно.

Антон пошел с деньгами в лавку и, исполнив поручение, вернулся на прежнее место. Господина Торстратена не было; после долгих поисков, оторопевший мальчик увидел, наконец, его стоящим в ожидании, в некотором отдалении.

– Я замешкался сэр?.. В лавке было много народа.

– Ничего, ничего. Разменяли ваш билет?

– Вот деньги, сэр.

Голландец с видимым удовольствием взял серебряные монеты. Он подбрасывал их на руке, побрякивал ими, на лице у него играла довольная улыбка. – Это во-первых, – сказал он. – А теперь вы мне должны купить сигар, – вон как раз магазин, который нужен.

И второй билет таким же образом перешел из портфеля в руки Антона; и опять он разменял его на серебряные монеты. Господин Торстратен опять стоял в стороне, опять глаза его заблестели, когда он получил деньги. – Прекрасно, прекрасно... Вы очень способный молодой человек, Антон.

То же продолжалось и дальше. В разных местах были разменены десять билетов, пока наконец, весь запас, по-видимому, истощился. – На сегодня мы сделали все наши покупки, – сказал голландец. – Теперь пойдем в мастерскую.

Антон молчал. Он не мог понять, зачем его господин целый час ходил с ним вместе по городу и поджидал его каждый раз в известном отдалении от двери, между тем как все купленные предметы можно было приобрести по близости, а некоторые даже в одном и том же магазине, а не ходить за ними в три разные места. Впрочем, господин Торстратен, очевидно, знает лучших поставщиков и предпочитает покупать у них. Как бы то ни было, Антон не высказал ему своего удивления.

Дом, где помещалась так называемая мастерская голландца, находился в узкой, полутемной, грязной улице. Нижние этажи домов были заняты лавками ветошников, распивочными и тому подобными заведениями, а в верхние нужно было подниматься по старым, истоптанным лестницам. Нередко можно было встретить здесь здания, которые от дряхлости устало клонились к земле и кое-как поддерживались утопавшими в грязи подпорками.

Там, где, при благоприятных условиях, едва поместилось бы несколько сотен жителей, здесь ютились целые тысячи. Каждый аршин пространства был густо заселен, каждый уголок был чем-нибудь занят. Антон внутренне содрогался; он с чувством умиления вспоминал зеленый берег Келлерского озера у себя на родине, тихия, мирные, соломенные крыши, под которыми люди жили иначе, лучше, чем здесь, где нужда и горе читались на каждом лице, выглядывали из каждого окошка.

Ему становилось жутко при мысли о возможности провести ночь в этих серых разрушенных логовищах.

– Идите, идите за мной, – сказал господин Торстратен, немного нагибаясь, чтоб пройти в низкую дверь, – нам надо в задний флигель.

Антон мужественно подавил свой ужас. Старые, покрытые грязью стены отсырели, от главного корпуса к флигелем шли деревянные перекладины, под ногами, по скользкой каменной мостовой, текла липкая бурая грязь, в которой плавали всевозможные отбросы.

При встрече с кем-нибудь, приходилось плотно прижиматься к мокрой стене, – иначе нельзя было разойтись.

Антон подавил вздох, – Господин Торстратен, – шепотом спросил он, – вы живете в этом доме?

Голландец потряс головой – Нет, юноша... Боже сохрани! Вот было бы ужасное существование?

Наш друг облегченно вздохнул. По крайней мере этого нечего опасаться. Он не допускал возможности заснуть в подобном ужасном месте.

Наконец, они миновали передний корпус дома. За ним, тесно к нему примыкая, стояло несколько больших, но тоже ветхих флигелей, занятых жильцами. Изнутри не было слышно ни звука, ни шороха, который говорил бы о деятельности, о жизни. Даже дети, с бледными изможденными лицами, смиренно сидели на ступеньках лестницы, а не бегали и не возились, как во всем Божьем мире: даже собаки не лаяли, а только ворчали и гонялись за исхудалыми кошками, которых здесь было вдоволь.

– Сюда наверх, – сказал голландец.

Опять темная, грязная лестница, а за ней и еще такая же.

Наконец, наши путешественники остановились перед дверью сомнительного цвета. Все в этом доме носило отпечаток нищеты и захудалости.

Кроме этой двери, на площадке были еще две; голландец сначала оглядел их и, убедившись, со всеми предосторожностями, что никто не подслушивает, тогда только сделал рукой три легких удара до верхней части двери и три по нижней. Минуту спустя, он провел бородашкой ключа по средней доске.

По этому последнему знаку дверь открыли изнутри и сквозь щель на них уставилась чья-то лисья физиономия.

– Это ты, Пит?... Эге, кого это ты ведешь?

– Доброго приятеля. – отвечал Торстратен. – Впусти нас Маркус.

– Да кто это? Кто?.. Ты такой легковверный, Пит.

– Глупости!

И Торстратен ввел мальчика в маленькую, убого обставленную комнату, которую он тотчас же замкнул изнутри. По стенам стояли два дрянные деревянные стула, а у плотно завешенного окна стол, на котором лежали всевозможные инструменты, – щипцы, гвозди, резцы, металлические доски и пр. Кроме того стояли стеклянки с разными жидкостями, и среди всего этого хлама горела лампа, при тусклом свете которой работал человек с лисьей физиономией.

Он занят был медной дощечкой, на которой вырезал какие-то знаки, или буквы... тень от руки не давала разглядеть, что именно...

– Ну, мой добрый Пит, – сказал он несколько насмешливо, – а этот юноша? На что тебе этот мальчишка?

– Это человек, которого мы искали, Маркус.

– По-моему, слишком молод.

– Ну, об этом уж предоставь судить мне. По уговору, внешними делами заведу я.

Маркус кивнул головой. – Иначе сказать, ты болтаешься во дорогим трактирам, прогуливаешься и прохлаждаешься, а я сижу в этой норе и работаю, слепя глаза.

Голландец похлопал себя по карману. – Попролам. – спокойно сказал он.

– Значит, удалось?

– Вполне! Должен же ты, наконец, согласиться, Маркус, что на этого рода дела, ты совсем не годишься. А кроме того, ты имеешь все основания, считать дневной свет довольно скверным изобретением.

Маркус зарычал, как обозлившаяся собака. – Пора положить конец этой истории, – сказал он. – Такое каторжное рабство выносить невозможно. Сами судьи не придумают ничего худшего.

Голландец кивнул головой. – А как идет твоя работа, Маркус?

– Гм, завтра будет готова.

– Вот и хорошо. Ты в накладе не останешься, дружище. Только дай мальчику какую-нибудь работу, чтоб не возбудит в нем подозрений. Потом я опять возьму его с собой.

– А ты уверен, что он сможет довести дело до конца.... такой юнец.

– Именно благодаря тому, что он такой дурень. Ну, так слушай же, Маркус, дай ему какую-нибудь работу.

Человек с лупой и резцом порылся в своем хозяйстве и вытащил оттуда медную дощечку, тряпку и стеклянку с светлой жидкостью.

– Вот, Пит, заставь его размачивать эту доску в спирте пока у него не полопаются пальцы.

Торстратен засмеялся. Весь разговор велся на английском языке; теперь же новый повелитель Антона снова начал говорить по-голландски, поручая ему вычистить медную доску.

– Современен вы можете поступить и в ученики по нашему делу, – сказал он. – Тогда мы найдем лавку.

– Здесь страшно, – признался Антон. – Зачем вы зажигаете лампу среди белого дня, и почему дверь у вас на запоре?

Странная усмешка искривила губы голландца. – Остерегаемся, воров, – сказал он, пропуская мимо ушей первый вопрос нашего друга. – В больших городах жизнь идет иначе, чем в глухих деревнях.

Антон вздохнул. – И гораздо хуже, безотраднее, – сказал он. – Если бы мне пришлось жить в подобном доме, я наверное скоро бы расхворался.

– Вы можете стоять за прилавком, вместо того, чтобы работать... это, как вы захотите. В Лондоне квартиры так дороги, что для мастерской приходится довольствоваться и этой.

Антон промолчал, но про себя подумал, что лучше бы поменьше прокучивать в трактирах, чем жить в такой ужасной дыре.

Торстратен вынул из кармана несколько номеров газет и стал читать, а Антон начал тереть медную доску и тер до тех пор, пока она заблестела, как золотая; после этого ему дали что-то пилить, а когда и эта работа была окончена, голландец опять увел его с собой. Но прежде они с Маркусом разделили между собою все наличные деньги поровну.

– А сигары, которые ты покупал? – проворчал человек с лисьей физиономией. – А трактирные издержки, перчатки, одеколон?

– Это все в счет предприятия. Не сам же я стану это оплачивать!

– По крайней мере пополам, я полагаю.

– Хорошо, в таком случае иди завтра ты, Маркус. Для меня все равно.

Яростный взгляд был ответом. – Дьявол! – прошептал Маркус. – Душегуб! Я не решусь доверить тебе крупный билет!

Торстратен равнодушно улыбнулся. – К сожалению, твой шрам поперек носа и лба слишком бросается в глаза, – сказал он насмешливо, – а так как за твою поимку назначена изрядная сумма, то я бы советовал тебе лучше не показываться в публике. Для тебя крупный билет не более, как простой лист бумаги.

И он открыл дверь, а Маркус вскочил с быстротой молнии, чтобы овладеть ключом. – Пойдемте, Антон, нам надо еще кое-что сделать, и затем на сегодня наш деловой день кончен.

– Уже? – удивленно спросил мальчик:

– Да. Для расширения дела требуется еще много. У меня, конечно, есть собственные средства, и я могу спокойно выждать это время.

Опять начались покупки в разных магазинах, каждый раз в новой улице, причем каждый раз менялся новый билет. В промежутках обедали с таким же комфортом, как накануне, потом пили кофе, конечно с ликером и сладким печеньем, и в заключение Торстратен протянул мальчику четыре английских шиллинга.

– Заплатите в какой-нибудь гостинице за ночлег, мой юный друг, а завтра в 9 часов утра будьте в гавани, в гостинице «Четырех стран света», где мы обедали вчера. Без меня вам еще не найти мастерской.

– Конечно, сэр. А как ваш адрес?

Торстратен посмотрел в сторону. – Львиная улица, 14, – сказал он. – Уэльс и К°.

– Благодарю вас, сэр. Больше не будет приказаний?

– Только одно желание, чтоб о моих делах не было разговоров. Порядочный молодой человек никогда не выносит в люди ничего, что касается его патрона. Это непозволительно хотя бы в виду конкуренции.

– Очень хорошо, сэр. Я буду молчать.

– Очень рад. А еще вот что. Вы намерены опять ночевать в Приморской улице, у хозяина-немца?

– А это далеко отсюда?

– По крайней мере мили две. Хорошее помещение, вполне отвечающее всем вашим требованиям, вы найдете у Диггинса и Кордеса, в гавани, через две улицы отсюда.

– Так я помещусь там, сэръ. В 9 часов я буду в «Четырех странах света».

Торстратен кивнул головой и Антон с почтительным поклоном удалился. Четыре шиллинга побрякивали в его кармане и наполняли сердце его гордой радостью. Первые заработанные деньги! Он пересмотрел их еще раз, как будто желая убедиться, что это действительно подлинные, настоящие серебряные четыре шиллинга!

После сытного обеда, на ужин ему достаточно было куска черствого хлеба на несколько пфеннигов, а ночлег вероятно тоже будет стоить немного. Он хотел удовольствоваться самой маленькой комнатой на чердаке.

Мужество вернулось к нему опять, он снова начал мечтать об адвокате, о попытках попасть в тюрьму к своему отцу. «Надо поговорить с хозяином, – решил он. – Теперь четыре часа пополудни, и времени еще довольно, чтоб побывать в Приморской улице».

Глава III

Напрасное предостережение. – Богатый барон и его слуга. – Преступники у себя дома. – Решительная выходка голландца. – Чиновник тайной полиции. – Билет в тысячу фунтов. – Сигнал к задержанию. – Счастливый побег. – Страшная ночь. – Покинутый и отверженный.

Наняв в указанном доме комнату для ночлега, наш друг сел в переполненный пассажирами, страшно тесный и неудобный омнибус и довольно скоро доехал до улицы, в которой находилась харчевня немца.

Посетителей еще не было, и Романн, старательно нарезаая ломтики хлеба, мог свободно поболтать с мальчиком.

– Где же вы провели прошлую ночь, – спросил он несколько недоверчиво. – Надеюсь, в порядочной компании?

Антон покраснел. – Неужели вы можете думать иначе? – сказал он и затем передал ему обо всех своих приключениях. – Теперь я на хорошем месте, работа у меня пустячная, обращаются со мной превосходно, и жалованье достаточное. С Божией помощью, я скоро буду в состоянии нанять адвоката для моего несчастного, невинно страдающего отца.

Хозяин ответил не сразу, он вытер о передник руки и затем порылся в адресной книге города. – «Уэльс и К^о» да, есть такая фирма, и притом в хорошей улице. Странно что там могут быть такие жалкие, населенные беднотой, надворные флигеля.

Он недоверчиво покачал головой. – Смотрите, Антон, не попались-ли вы какому-нибудь авантюристу, ловкому мошеннику. Эта история с банковыми билетами мне не очень-то нравится.

– Почему? – вскричал наш друг. – Господин Тирстратен богат.

Хозяин опять принялся за свою работу. – Лучше пока помолчать, – подумал он про себя. – Этот мальчик так доверчив и неопытен. По глупости, он еще впутает меня в какую-нибудь неприятность. – А вслух добавил: – Его сиятельство, лорд Кроуфорд присылал за вами, Антон.

Мальчик вскочил. – Известия о моем отце? О, господин Романн, не скрывайте от меня ничего.

– Нет, нет! Лорд велел сказать вам, что вы можете придти к нему. Если вы не желаете жить в его доме, он готов устроить вас иначе. Вы бы не должны были отказываться, Антон. Их сиятельства известны во всем Лондоне, как друзья человечества и благодетели бедных.

Наш друг изменился в лице. – Но я не бедный, – вскричал он. – Я не нуждаюсь ни в чьей благотворительности, тем менее в благотворительности человека, который, по простому подозрению, засадил в тюрьму моего отца.

– Антон, Антон! Подумайте хорошенько и не оскорбляйте раньше времени человека, который желает вам добра.

– Я не желаю иметь с ним никакого, совершенно никакого дела. Кроме того, я на очень хорошем месте и имею все, что нужно.

– Антон!

– Да, да. Скажите это великодушному господину, если ему еще раз вздумается прислать сюда. Я в нем не нуждаюсь.

Романн пожал плечами. – Вам лучше знать ваши дела, Антон. А я бы на вашем месте не стал ссориться с таким человеком, как лорд Кроуфорд.

Антон беззаботно засмеялся. – Что бы там ни было, я не приму из его рук ни единого куска хлеба.

Затем он расплатился за последнюю ночь, связал свои и отцовские пожитки в узел и обещал добродушному хозяину навестит его при первой возможности.

– Ведь вам рано или поздно может понадобиться друг и защитник, Антон, – сказал хозяин.

– Не думаю! Господин Торстратен относится ко мне так сердечно, что я не пропаду под его покровительством.

Романн покачал головой. – А вы не находите ничего странного в поведении этого господина? Вас не удивляет, что предприниматель закармливает в трактирах дичью и вином своего мальчика для посылки?

При этих словах будто ослепительная молния мелькнула перед глазами Антона, но это продолжалось одиной момент, упрямство помешало ему остановиться на этой мысли.

– Я сам своей личностью нравлюсь господину Торстратену, – сказал он.

– И он вам платит за то, что вы прогуливаетесь с ним по городу!

– Со временем я поступлю к нему в ученики, или буду продавцом в лавке, которую он откроет. Иногда и резчики могут оказаться друзьями человечества... не правда-ли, господин Романн?

Хозяин пожал ему руку. – Дай Бог, Антон. Прощайте, прощайте.

Наш друг ушел домой совсем не в таком радужном настроении, в каком пришел, но впечатление от этого разговора очень быстро рассеялось. Он купил себе изрядный кусок хлеба и сыра, причем у него еще осталось два шиллинга, которые должны были лечь в основание его воздушных замков, и он весело начал их строить. Теперь все пойдет отлично, – в этом он был уверен.

Забравшись в свою опрятную, чистую комнату на чердаке, он проспал в ней здоровым сном юности вплоть до следующего утра, а вставши, достал свое лучшее платье и вообще принарядился. Было воскресенье и господин Торстратен мог предложить ему пойти вместе в церковь.

Случилось не так: голландец пришел только к двенадцати часам и был рассеян и расстроен!

– Вы свободны до вечера, – сказал он. – Около десяти или одиннадцати часов я зайду за вами. Вы должны оказать мне услугу, Антон.

– С величайшим удовольствием, сэр. Приказывайте!

– Дело идет об одном пари, – сказал, улыбаясь, голландец. – Я должен поужинать в одном ресторане, в присутствии одного близкого приятеля, который при этом не должен узнать меня. Вы будете стоять за моим стулом и подавать мне кушанья, в нарядной ливрее, конечно.

– И это все, сэр?

– Да. Если сегодня и завтра вечером мне удастся разыграть эту невинную комедию, то пари будет выиграно; сто фунтов, и я дарю эти деньги вам, Антон.

– О, сэр, сэр!

– На них вы можете устроить что-нибудь для вашего отца, подкупить тюремного надзирателя, или нанять адвоката. Здесь, в Лондоне, все возможно.

– О, сэр, и вы надеетесь, что выиграте?

– Я в этом совершенно убежден, только вы должны добросовестно помочь мне. Сегодня вечером я принесу ливрею, – серую с оранжевым, не правда-ли? Так как вы говорите по-немецки, то мы выдадим себя за соотечественников. Я назовусь бароном Кирхгейм и таким образом совершенно собою с толку моего приятеля. Вам надо знать несколько слов по-английски, чтоб говорить с кельнером при расчете, и, при моей помощи, вы их заучите заранее.

Сердце Антона стучало, как молоток. – Как вы добры! – повторял он, – благодарю вас тысячу раз.

Голландец остановил его. – Не так поспешно, – сказал он. – Во всяком случае, это ведь может и не удастся. И при этих словах на лице его появилась гримаса, и в темных глазах мелькнуло странное выражение.

– Прощайте, – прошептал он, и быстро вышел. – До свидания.

Антон остался один. Хозяин сказал, что ему велено заботиться о пропитании молодого человека, потом предложил ему две старых книги на немецком языке и начал расспрашивать о том и о сем, очевидно, желая удовлетворить свое любопытство; но Антон всячески старался избегать его и тотчас после обеда ушел в церковь, где произносили проповедь на немецком языке. К этому привык он с раннего детства и считал бы за грех не побывать в воскресенье в храме. И в сердечной простоте он молился: «Отец небесный! дай, чтобы моему господину удалось его предприятие, ведь ты знаешь, на что я хочу употребить эти деньги».

Уныло тянулось в Лондоне воскресенье, на пустынных улицах была полнейшая тишина, и Антон насилу дождался вечера.

На этот раз голландец приехал в наемной карете и был одет так элегантно, что Антон принял его за какого-нибудь принца. Его гладкие светлые волосы теперь вились и темными локонами спускались на лоб, большая черная борода покрывала всю нижнюю часть лица, синие очки закрывали глаза. Антон мог пройти мимо своего господина и не догадался бы, что это он. Только голос остался неизменным, и Антон тотчас же узнал его. – Вы непременно выиграете пари, сэр, – вскричал он с восторгом. – Ах, я чувствую, как будто эти сто фунтов уже лежат у меня в кармане.

– Будем надеяться, – смеясь сказал Торстратен, – впрочем; день хвалят лишь тогда, когда настанет вечер. А у меня для вас есть еще одна приятная новость, Антон. Даже очень приятная.

Наш друг невольно стиснул руки., – Касающаяся моего отца, сэр? Неужели он свободен?

Голландец остановил его. – Не надо торопиться. У вас уже все идет, как по маслу. Нет, мой милый, ваш отец не свободен, но, благодаря моим связям, мне удалось напасть на след, и теперь мы будем зорко следить. Если надежды меня не обманывают, через несколько дней мы посадим Томаса Шварца под замки и запоры.

Антон с трудом удержал крик радости. «О, небо! Томас пойман!»

– Не пойман, а напали на его следы.

– Так значит, он живет здесь, в Лондоне?

– Да. Один из моих друзей, человек вполне надежный, следить за ним.

– Возможно-ли, сэр! И так скоро!

– Счастливый случай, – улыбаясь, сказал голландец. – А теперь нам надо спешить, мой друг. Одевайтесь.

Смущенный и взволнованный таким неожиданным известием, Антон оделся в серое платье с ярко желтыми украшениями, принесенное Торстратеном. Перчатки, белый галстук, новехонькие отвороты, – словом, наш друг сразу превратился в франтоватого столичного ливрейного лакея.

А к вам идет, – вскричал голландец. – Пожалуй, наша шутка и в самом деле удастся, как нельзя лучше.

И они оба отправились в карету, Торстратен сел внутри, а Антон взобрался на козлы.

На углу одной из самых видных улиц города экипаж остановился, господин и слуга, пройдя немного пешком, вошли в подъезд ярко освещенного дома. Стоявший у подъезда швейцар, пропуская Торстратена, низко ему поклонился. Кельнеры помчались в обеденный зал, задвигая столами и стульями, наперерыв выказывая предупредительность и услужливость.

Торстратен держал себя так непринужденно, как будто никогда не знал с сомнительными личностями, и никогда нога его не переступала порога разрушенных флигелей на задворках.

Он кивнул Антону, чтобы тот стал за его стулом, а затем взял карту кушаний и заказал целый ряд самых дорогих блюд. Конечно, не обошлось без бутылки Канарского секта.

Антон прислуживал своему господину вместо кельнера, а тот медленно и с прохладной ел, ни разу не взглянув на мальчика.

Так прошел час; наконец голландец вынул несколько золотых монет и велел Антону расплатиться в кассе и дать слугам очень щедро на чай.

Все так и кланялись в пояс и робко осведомлялись у Антона об имени знатного незнакомца.

Антон внутренне смеялся. – Моего господина зовут барон Кирхгейм, отвечал он по-немецки.

Слово «барон» было понято, и поклоны удвоились. Два кельнера со всех ног кинулись отворять дверь знатному господину, когда он уходил из ресторана, и ни один из них не обратил внимания на скромно одетого пожилого человека в сером платье, который проскользнул тут же и притаился у стены, пока Торстратен и Антон прошли шагов двадцать; тогда он почти бегом догнал их и пошел вслед за ними в самом близком от них расстоянии.

– Сегодня удалось, – сказал, смеясь, голландец. – Если б и завтра сошло также удачно!

– Наверное! – вскричал Антон. – А известный господин был там!

– Он сидел совсем близко от нас, и я каждую минуту боялся, что он узнает меня и назовет по имени.

Антон рассмеялся. – Слава Богу, что этого не случилось! Велика-ли сумма, поставленная на пари?

– Тише! – прервал голландец. – О подобных вещах говорят только у себя в комнате.

Человек в сером шел так близко, что слышал каждое слово, и при последних словах улыбнулся с довольным видом.

– Пока, на завтрашний день, вы опять свободны, – сказал Торстратен. – Я зайду за вами вечером. А кстати, – чтобы не забыть! – вот вам деньги.

Он подал Антону несколько монет, которые тот принял с благодарностью. – Оденьтесь завтра часам к девяти, а если бы кто-нибудь увидел вас, скажите, что это для маскарада.

– Хорошо, сэр. А у господина Маркуса не будет завтра для меня работы?

Торстратен покачал головой: – Нет, – сказал он, в настоящее время для вас нет никакой работы.

– А господин Маркус не пойдет завтра вечером с нами?

– Его не выгонишь. Он от природы такой угрюмый нелюдим.

Антон посмотрел на своего господина. – Господин Торстратен, – сказал он, – почему у господина Маркуса такой ужасный шрам на лбу и на носу?

– Шш! Что у вас за мысли! Впрочем, – прибавил он, тут, конечно, нет никакой тайны. В молодости Маркус однажды дрался на дуэли, от которой и остались эти неприятные воспоминания.

Человек в сером при последних словах голландца был так близко, что от него не ускользнул ни один звук. Казалось, он стал вдвое внимательнее; быть может, он надеялся услышать адрес, название улицы. Но шедшие впереди его долго молчали, и только через четверть часа голландец заговорил опять. – Теперь мне направо, – сказал он, – а вам налево; вторая улица отсюда будет ваша. Еще одно слово, Антон; о моих делах не говорите никому; адреса моего вы, кажется, не знаете?

– Действительно, не знаю, сэр.

– Ну, и хорошо. Скоро мне предстоит получить большую сумму, и тогда я открою лавку различных предметов искусства, а до тех пор верьте мне на слово. Понятно, у меня есть свои причины.

– Которые я уважаю, сэр.

– Спокойной ночи, спокойной ночи.

Они расстались, и, пока Антон розыскивал свою скромную квартиру, Торстратен быстрыми шагами шел по направлению к самой шумной части города. По пятам за ним следовал человек в сером. бесшумно и быстро, как змея, скользил он в постоянно менявшейся толпе

прохожих, не теряя из виду голландца; он следовал за ним по улицам и переулкам до самой двери плохенького дома, в который вошел Торстратен. Он тихо вошел вслед за ним в сени, прислушиваясь к затихавшим шагам на лестнице. «Четыре лестницы вверх», – подумал он, вынул записную книжку и в полутьме записал в ней несколько строк. Между тем Торстратен, поднявшись в верхний этаж, открыл дверь и вошел в совершенно темную комнату, негостеприимный холод которой заставил его выбраться.

– Отвратительная берлога, – проворчал он.

– Что верно, то верно, – отозвался из темноты мужской голос.

Голландец испугался. – Это ты, Маркус?

– Зажги лампу, так увидишь.

Торстратен проворчал что-то себе в бороду, однако же повиновался. Сняв надушенные перчатки, он достал из угла поломанную лампу и зажег ее. Слабый свет осветил убогую комнату; с кровати на него смотрели блестящие глаза человека с лисьей физиономией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.